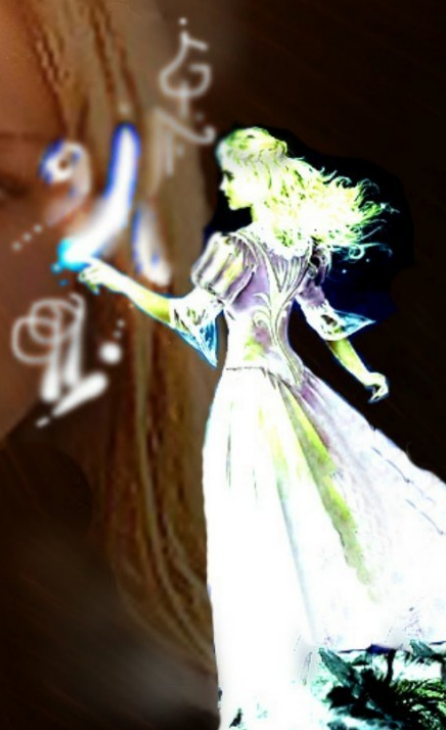

Валерий Железнов

Ошибка Архагора
Ошибка Архагора

Валерий Железнов
Ошибка Архагора

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Железнов В. Ю.

Ошибка Архагора / В. Ю. Железнов — «ЛитРес: Самиздат»,
2012

Начало повествования в Стране Солнечных Гор. Жрецы отправляются за океан в Славию на поиск Дочери Солнца, но ошибочно вывозят оттуда похищенную внучку царя. Таракан и Светозара взрослеют в условиях войны, охватившей весь континент. Архагор сам отправляется в Славию на поиск истинной Дочери Солнца и находит Ясну. Жрец Стеналь спасает Ясну от наёмных убийц и доставляет девушку в Страну Солнечных Гор. Ясна прекращает войну и отправляется назад в Славию, чтобы вернуть себе трон отца.

От автора

Дорогой читатель, я не отношу себя к писателям жанра фэнтези. Я скорее реалист, чем фантазёр, но как и любого человека, меня привлекает загадочный мир наших грёз, мир неизведанного, мир полный приключений и неожиданных чудес. Не удержался я и создал свой собственный сказочный мир, населив его своими очень разными героями. Да, именно сказочный мир, ибо это произведение не совсем фэнтези в полном и общепринятом понимании, а скорее сказка для уже повзрослевших детей. Мир моего романа очень похож на наш с Вами, а герои наделены чертами характера реальных людей, живущих с нами рядом. События романа весьма напоминают исторические моменты нашего прошлого. Но это лишь фон.

Главные герои моего произведения вполне жизненно идут тернистым путём через все преграды, встающие на их пути, к своим звёздам. И, в конце концов, кому-то звёзды дадут славу и власть, а кто-то получит искреннюю любовь и покой.

Конечно, как и в любой сказке, я во многом идеализирую своих героев, и как всегда Добро в тяжкой борьбе обязательно побеждает Зло. Но, на то она и сказка. Впрочем, сказочность здесь как раз не главное. Начав читать роман, Вы заметите, что магия и всевозможные волшебные чудеса отодвинуты мною на второй план, а иногда и далее. Мне хотелось показать в этом сказочном мире людей их поступки, переживания, стремления, их жизнь. Этим я хотел сказать, что никакая магия не поможет человеку достигнуть цели, если он сам не приложит к этому всех своих усилий, если нет у него верных бескорыстных друзей, пламенной любящей души. И тем более, никогда не будет счастлив человек, если его стремление эгоистично и своекорыстно.

Да Вы и сами всё это понимаете.

Читайте и живите в книге вместе с моими героями.

Удачи Вам и счастья!

Посвящается моей двоюродной сестре.

Пролог

Пастух Киотл был одним из уважаемых мужчин племени Китулачи. Он пас отары в горах с самого детства, и считался лучшим в своём деле. Соплеменники смело доверяли ему свой скот, зная, что Киотл не потеряет ни одного животного, а его умные собаки защитят отару от хищников. Но с недавних пор над ним стали посмеиваться. «Умом тронулся, а ведь не стар ещё» – говорили люди.

Однажды, пригнав в селение отару, Киотл стал рассказывать соплеменникам о том, как он познакомился с богами. Естественно, никто ему не поверил. Только старейший жрец Солнца может говорить с богами, да и то, если те сами захотят. А уж верховное божество с людьми вообще не разговаривает. Солнце только подаёт знаки, которые умеют разгадывать жрецы. Но пастух, не обращая внимания на все насмешки, продолжал утверждать, что видел богов, сошедших на землю.

– Я видел, как из Солнца вылетела искра и устремилась прямо на меня. Сначала я подумал, что верховное божество решило испепелить меня за преступления и направило в меня свою огненную стрелу. Но потом искра погасла, превратившись в большой камень. Камень сначала быстро падал, а потом замедлился и плавно опустился высоко в горах, среди заснеженных вершин, там, куда люди никогда не ходят. Такого я ещё никогда не видел, чтобы камень, брошенный сверху, не ударился с грохотом, а плавно и бесшумно опустился на землю. Любопытство одолело меня, и я пустился на поиски загадочного небесного камня. Я оставил отару

на своих собак, а сам отправился к снежным вершинам. Три дня я поднимался до облаков. Протискивался по узким карнизам, карабкался по голым скалам, сбил руки в кровь, но взобрался выше облаков. Стоя на одной вершине я мог видеть все окружающие заснеженные пики. То, что я увидел, поразило меня безмерно. Одна из вершин была срезана будто ножом. Совершенно ровная площадка образовалась на месте заснеженного пика. На той площадке что-то происходило. Видно было какое-то движение. Мне лишь в общих чертах удалось разглядеть множество людей и каких-то странных созданий, непохожих ни на что виденное мной раньше. Я испугался и хотел бежать, но мне не дали. Из ниоткуда надомной возник огромный фиолетовый кристалл, и сковал меня невидимыми путами. Умирая от страха, я вознёсся и полетел вместе с кристаллом к тем людям на срезанной вершине. Но страх полёта вскоре затмился паническим ужасом перед ликами богов. А то, что это были боги, я уже не сомневался. Когда меня опустили на плато, десяток из них приблизились ко мне. Их светлые лица были прекрасны и суровы. Золотые волосы светились солнечным блеском, а глаза сверкали как морская волна. Под серебряной облегающей одеждой угадывались сильные стройные мужские тела. Ростом они как четыре мула, поставленных друг на друга. Я, со своим немалым ростом, даже не доставал им до груди. Как мне показалось, они все близнецы, так похожи друг на друга. Женщин среди них я не заметил. В благоговейном ужасе бросился я ниц перед богами, моля о пощаде. И боги сжалились над бедным пастухом, оставив меня в живых. Что было потом, плохо помню. Меня перетащили в какую-то светящуюся хижину и подвесили в воздухе посередине. Потом я уснул. Иногда сквозь сон я слышал жужжание пчёл, капель воды, звон металла, Лица богов вспыхивали и гасли перед моим взором. Что они со мной делали, я не знаю, но потом на груди я обнаружил этот застарелый шрам, которого раньше не было. Мне не было больно, а когда я проснулся, чувствовал себя совершенно здоровым и даже помолодевшим на много лет.

Тот же фиолетовый кристалл перенёс меня к моей отаре, держа в невидимых путах. А когда путы спали, голос свыше сказал мне торжественно: «Мы пришли сюда, чтобы поселиться здесь и обрести дом. Расскажи всем, что это теперь наше место, ходить к нам никому нельзя, ибо смерть ждёт каждого, кто посмеет приблизиться к нашему поселению. Мы же не причиним вам никакого вреда, но если понадобится, поможем вам в беде. Ты первый и последний, кто вернулся живым от нас».

Так сказали мне боги. Верьте, люди, они спустились к нам.

Соплеменники смеялись, задавали каверзные вопросы, подтрунивали, но не верили сумасшедшему пастуху. Да и не пастух он теперь, а бродяга, рассказывающий каждому встречному небылицу о знакомстве с богами.

Часть первая

Миссия

– О, народ Солнечных Гор, да не сбудется древнее пророчество! Это говорю вам я, Архагор, старший жрец наивысшего божества этого мира.

Высокий, пожилой, но статный мужчина с длинными седыми волосами и бронзовым лицом одет был в белый балахон. Никаких украшений кроме золотой цепи на шее с медальоном в виде Солнца он не имел. На ногах его были надеты лёгкие сандалии из мягкой кожи. С балкона над воротами столичного храма, где он стоял, жрец громогласно вещал собравшимся внизу людям. Люди эти собрались специально, чтобы выслушать его именно в этот особый день. Они были посланцами всех родов народа Солнечных Гор. Но в толпе виднелись и представители других народов. Многие добирались сюда издалека не один месяц только для того, чтобы выслушать приговор. Да и сам Архагор прибыл в столичный храм из затерянного в горах Храмового города.

Не было в народе ни одного человека, кроме несмышлёных младенцев да обезумевших старцев, кто бы оставался равнодушным к этим словам. Да и жители соседних стран тоже интересовались развитием событий, связанных с этой речью.

– Сегодня Магическое Око зажгло ритуальный костёр от лучей Солнца, как делает оно это каждый год. Уже много лет я вглядываюсь в пламя костра, но лишь сегодня я узрел в нём лик новой верховной жрицы и владычицы этого мира.

Народ внизу радостно зашумел, но жрец взмахнул руками, призывая к тишине, и продолжил.

– Она уже пришла в этот мир. В год Огненной птицы, под знаком "Трёх Свечей" Солнце подарило людям своё дитя в день Великого Всплеска, и скоро она прибудет к нам, неся с собой мир и благополучие нашим народам. Идите и передайте всем эту радостную весть. Пусть все знают, древнее пророчество сбудется не скоро. Благоразумие и добрососедство возобладает над алчностью и жестокостью. Радуйтесь! Радуйтесь! Радуйтесь!

С этими словами Архагор повернулся и скрылся в проёме двери. А народ на площади перед воротами храма загалдел вовсю. Люди не скрывали радости, поздравляли друг друга, обнимались. Великое событие произошло на их глазах, и они не сдерживали своих эмоций. Ведь так давно все ждали именно этих слов, что уже и не надеялись их услышать. Вечером будет устроен праздник. Весь Туртелиакан будет веселиться. Но некоторые, спеша как можно быстрее доставить благую весть, отправились в обратный путь немедленно. Ещё бы, оно того стоило. Уже двадцать восемь лет как в Солнечных Горах не стало верховной жрицы. Нет, она не умерла. Просто Солнцем было предначертано ей стать обычной женщиной, и она сложила с себя столь высокое звание. Жива она и до сих пор, счастливо нянчится с внуками и вместе со всеми ждёт, когда же, как сказано в пророчестве, придёт новая дочь Солнца.

А пророчество то гласило: «Каждые тридцать лет на трон будет восходить верховная жрица и правительница страны Солнечных Гор, родившаяся под знаком "Трёх Свечей", но даже если трон будет пустовать какое-то время, до поры никто не посмеет нарушить мир и спокойствие в её отсутствие, иначе великие беды выпадут на долю народов. Но это случится. Тридцать лет пройдут, а трон останется пустым. И тогда слёзы горя переполнят русла рек, Зло поднимет голову и соберёт великую армию алчных жестоких воинов. Народы сойдутся в братоубийственных сражениях, но не будет победителей, ибо проиграют все!»

*

В покоях царицы Журавы раздался первый крик новорожденного младенца.

– Ну, слава богу, разрешилась моя Журавушка! – вполголоса самому себе произнёс царь Всеволод. Вот уже шесть часов он не находил себе места, метался как зверь в клетке по широкой прихожей перед покоями царицы. Зрелый муж вёл себя как юноша. Вспыхивал от нетерпения и пытался прорваться в покои царицы. Но нянькам и бабкам удавалось неимоверными усилиями останавливать его натиск. Нервничал, переживал, бросил все государственные дела и кинулся сюда, как только ему доложили, что царица никак не может разрешиться от бремени. Сначала всё кричала да стонала, а теперь и вовсе обессилела. Не слышно её голоса. Ох, не к добру это. Говорила ей старуха-ведунья Варвара: «Не простой это будет ребёнок. Не захочет девочка являться в этот грешный мир. Много страданий выпадет и тебе и ей. Давай, пока не поздно, избавлю тебя от бремени». Но не захотела царица слушать ведунью. «Родила ведь трёх сыновей-богатырей и всё благополучно, что уж четвёртого ребёнка не родить, а если девочка, так тем более рожу!» – ответила ей Журава. Но сбываются предсказания Варвары. Трое суток не отходят от кровати царицы лучшие повитухи. Не хочет младенец появляться в этом мире. И царица здорова была, и беременность проходила нормально, ничто не предвещало трудностей и вдруг на тебе, не выходит, хоть тресни.

И вот свершилось.

– Ну, что? Как она? – только и смог произнести царь, ухватив за ворот рубахи выглянувшую из дверей няньку Молодилу.

– Успокойся Государь, всё, слава богу, разрешилось. Дочка у тебя! Да отпусти рубаху-то, порвёшь ведь. Эка силища-то.

– Царица как, спрашиваю, дура!? – прорычал Всеволод.

– Царица-то жива, бедняжка, только уж очень плоха. Намаялась сердешная, в беспамятстве она. Как разрешилась, так и лишилась чувств, дочку-то так и не увидела.

– А, пусти! – царь, было, рванулся внутрь, но Молодила упёрлась и не пустила.

– Обожди, Государь ещё малость. Сейчас приведут её в порядок, и тогда можно будет.

– А ну, прочь, бестолочь, с дороги! – терпение Всеволода лопнуло и он, отшвырнув няньку, метнулся к ложу царицы.

Младенца уже унесли и няньки прибирали всё после родов. Из соседней комнаты доносился плач новорожденной царевны. Царица лежала в беспамятстве. На совершенно бледном, липком от холодного пота лице прилипли растрепавшиеся серебряные волосы. Только теперь они были влажные и казались потемневшими как старая серебряная посуда. Нянька прикрыла её одеялом, но причесать ещё не успела. Другая нянька собирала посуду и тряпки. Когда в покои ворвался царь, они, было, зашикали на него и замахали протестующее руками. Но выражение лица Государя говорило красноречивее слов.

– Вон! – бросил он им коротко и опустился на колени перед ложем.

Возражать было бесполезно и опасно. Все тихо удалились, оставив их наедине.

– Журавушка, родная, жива, – промолвил он шёпотом, – а я уж, грешным делом, о плохом подумал, старый дурак, – с этими словами он прижал её бледную ладонь к губам, – да и то, права оказалась ведунья, а ты не послушалась, – другой рукой он отёр с её лица прилипшие волосы.

*

Ах, эти серебряные волосы! Как не мог отвести он когда-то взгляда от них. Как развевались они, когда скакала юная княжна на белой кобылице по диким дебрям далёкой тайги.

Огромна тайга. Нет в ней проторенных дорог. Лишь звериные тропы, да тайные метки указывают путь местным жителям. Народ остроухих гуров обитал в этих дебрях с незапамятных времён. Никто не знал, откуда они появились и сколько их на самом деле. А остроухими их прозвали за острые кончики ушей и необычайно острый звериный слух. Неохотно общались гуры с другими народами, но и не враждовали ни с кем. А если находились алчные правители, которые желали захватить и поработить лесной народ, так ни один из них не возвратился из похода в эти земли. Охотились местные жители на зверя разного, ловили рыбу в реках своих, собирали дары лесные, вели кое-какую торговлишку с соседними народами. Чтили лесных духов и речных божков. Но не фанатично неистово, а легко, непринуждённо, как бы играя. Мол, мы вас уважаем, и вы нам не делайте зла. Мы вам иногда подарки приносим, и вы уж нас без добычи не оставляйте. Вот так и жили веками в согласии с природой и в мире с соседями, со своими радостями и горестями.

Мелкие поселения разбросаны по всей тайге, но остроухие гуры знали, где за лесами и непроходимыми дебрями раскинулся княжеский город. На холме в центре города возвышался княжеский терем. Рубленный из вековых сосен, мощный как крепость, ставленный мастерами на века. Без пышных украшений и суровый снаружи, как и его обитатели, но просторный, уютный и удобный внутри.

Князь Зоротай правил лесным народом вот уже пятый десяток лет. Был он в преклонных годах, но всё ещё крепок и ясен рассудком. Правил строго, но справедливо. Наипервейше заботился о благе народа своего, а уж потом и о своём личном. За это и уважали его подданные, немного побаивались, но больше любили. Ликом был суров. Дикая седая грива, усищи

и борода лопатой укрывали многочисленные шрамы на его лице, а перебитый нос торчал как клюв хищной птицы. На мощном теле тоже не счесть шрамов, полученных в многочисленных сражениях с захватчиками и дикими зверями на охоте. Немногословен был князь, но всегда находил несколько добрых слов для жены своей и детей, ибо семейные узы у гуров считались священными. Четверо сыновей уже были женаты и подарили отцу семерых внуков, да и младшая дочь Журавушка уже была девицей на выданье. Только вот нрав её строптивый, отцовский, отпугивал всех достойных соискателей. Но любил князь младшенькую и только журил иногда: «Засидишься, смотри, в девках Журавка. Кто опосля на перестарка позарится? Хватит кобениться, вона сколько достойных женихов вокруг тебя вьётся».

– Не по сердцу они мне все, батюшка. Хочу, чтоб полюбился один и навсегда, да так, чтобы за ним, хоть в омут головой!

– Ох, дуришь, ну погоди, вот отдам тебя за первого встречного, взвоешь, – шутил князь.

– Не отдавай, батюшка, не отдавай, – шутиливо пугалась дочь, быстро целовала отца в седую бороду и, смеясь, убегала. Убегала к подружкам, играм и забавам девичьим.

А тут как раз прибыли гонцы с западных рубежей. Доложили, что царь славов, жителей великих равнин, Иван Большой ищет встречи с князем. Хочет подружиться с соседом, а может быть и породниться. Просит разрешения прислать в таёжную столицу посольство.

Ну что ж, посольство дело хорошее. Хоть и так без него неплохо живётся, но иметь такого друга князь не отказался бы. Но так уж сразу и в столицу. Нет уж, пока встретимся на западном рубеже, в одном из тамошних пограничных селений. Встретятся послы, присмотрятся друг к другу, поговорят, а там уж и решим когда встречу двух правителей назначить. Князь назначил дату через два месяца и с тем отправил гонцов в обратный путь.

– Да передайте старосте, чтоб к этому сроку селение было готово встречать посольство, чтоб посольские ни в чём не нуждались. Головой отвечает!

И помчались гонцы сначала на западный рубеж, а оттуда к славскому царю, в стольный град Мураван. Если согласится с назначенной датой и местом Иван Большой, пусть готовит посольство.

Не по нраву пришёлся царю такой ответ, но уж больно важен был для него этот союз. Да и наслышан он был об осторожности таёжного владыки. Поэтому счёл Иван Большой разумным предложение князя и решил, что будет правильнее не выказывать своей обиды, а сделать вид будто того и ждал. И велел готовить посольство к отправке.

Через два месяца, когда лето было на излёте, посольский караван приближался к восточному рубежу своей державы. Там, на пограничной реке Урани, должна была встречать послов почётная охрана гуров. Положено было встретить дорогих гостей и с почётом проводить до порубежного селения Колта.

Не велик был посольский караван. Не к правителю ехали, а так, переговорить с доверенными людьми князя Зоротая. Шесть телег, да две кибитки. Два посольских боярина, да челяди у каждого по дюжине. Не велика и охрана. Младой воевода Петро Братеич, да два десятка отборных дружинников царских с запасными конями. Бояре в своих кибитках, слуги на телегах, а дружина верхами. За кибитками в поводу боярские скакуны. А отдельно к телеге привязана тонконогая белая кобылица из южных заморских стран. Немногочисленны были пока подарки и белая кобылица среди них.

Ехали не опасаясь нападения лихих людей. По своим землям ведь, не по чужим. И хоть было чем поживиться в обозе, вряд ли нашлись бы безумцы, отважившиеся напасть. Царские дружинники – это вам не простые ратники. Каждый стоил десяти воинов. Да и дело своё они знали туго. Хоть и тихо всё вокруг, а глаз остёр и сон чуток. Служба есть служба. Ночные караулы неслись как в боевое время.

Вот уже и берег пограничной реки. А за бродом, на той стороне, на опушке великого леса виднеются десятка два всадников в белых одеждах на низкорослых крепких своих конях. Это

остроухие гуры выслали почётную охрану. А белые праздничные одежды они надели в знак миролюбия и чистых помыслов.

Посольский караван остановился на берегу перед бродом, и в нём люди засуетились. Тоже нужно привести себя в праздничный вид. Умыться с дороги, переодеться да приготовить подарки. А всадники на той стороне пока не переправляются, понимают, не надо торопить гостей, как будут готовы, знак дадут.

Бояре облачаются в свои парадные парчовые одежды, надевают на головы бобровые папахи, привешивают к поясу драгоценные сабли из далёких восточных стран и восседают на своих статных вороных скакунов. Челядь боярская переодевается в расшитые цветные рубахи, красные шаровары и мягкие жёлтые сапожки. Дружинники сняли доспехи и сложили всё оружие во выюки запасных лошадей. Переоделись в чистые белые рубахи, синие штаны и красные сапоги с острыми загнутыми вверх носками. Из оружия только кинжалы в чеканных ножнах на тонких поясах. Подарки разложили на показ, а белую кобылицу почистили, расчесали белоснежную гриву и хвост, да покрыли драгоценным восточным ковром.

Ну вот, приготовления закончены, можно и переправляться.

Воевода спускается к броду, даёт сначала своему коню напиться из реки, а потом поднимает вверх обе руки. Один из всадников на той стороне делает то же самое. Это сигнал к сближению. Оба всадника входят в воду. Встречаются на середине реки и обмениваются приветствиями.

– Кто ты, добрый человек, едущий на нашу сторону? – вопрошает гур.

– Петро Братеич я, молодой воевода царя моего, Ивана Большого, – с достоинством отвечает воевода – слышал, небось?

– Как же, наслышаны мы. Достойный правитель у соседей наших. А кто люди за спиной твоей?

– То достойные люди. Посольские бояре Макар Зубарь и Козьма Шумный. Послал их царь с добрыми словами к народу вашему. А с ними две дюжины челяди, да дружины два десятка. А сам-то ты кто?

– Я, воевода здешних мест, Зубр. Слыхал, может?

– Слыхал, да вот увидел впервые. Не ты ли на зубра в одиночку хаживал?

– Было, молодой был, глупый, – польщённый известностью ответил Зубр.

– Ну, вот и познакомились. Принимайте гостей.

– Отчего ж не принять таких гостей. Милости просим на нашу сторону.

Воевода Петро снова поднял обе руки вверх и махнул ими в сторону восточного берега. Посольский караван двинулся вброд через реку. На другом берегу их встретила почётная охрана. Каждый из остроухих всадников поравнялся стремя в стремя с одним из дружинников, ехавших по бокам обоза. Лесные всадники хоть и были ниже ростом и восседали на приземистых лошадках, но выглядели весьма внушительно. Жилистые и коренастые, они хранили достоинство в гордой осанке и суровых лицах. Все светловолосы и с густой растительностью на лицах. Казалось, что они все одного возраста. Одеты были тоже одинаково: белые простые рубахи, обтягивающие мощные ноги кожаные штаны и короткие сапоги из грубой кожи. На тонких кожаных поясах так же висели охотничьи ножи с резными костяными рукоятками в ножнах змеиной кожи.

Царские дружинники разом расстегнули пояса и протянули свои кинжалы каждый своему соседу. Это был миролюбивый жест воина по отношению к своему желаемому союзнику. В ответ лесные всадники передали славским воинам свои охотничьи ножи, как бы признавая в них своих союзников. Вот так, без слов, уже почти был заключён союзнический договор.

Неспеша, вся процессия начала втягиваться в лес. Для дорогих гостей даже специально прорубили просеку и выкорчевали пни. Ширины проторенной дороги едва хватало для проезда посольского каравана. Не всем гостям гуры оказывали такую честь – рубить для их проезда

просеки. Но ведь и гости не простые – послы самого царя Ивана Большого, а держава его считалась одной из самых больших и сильных в известном им мире.

По пути следования посольского каравана из леса бесшумно появлялись местные жители и приветствовали гостей. Скупно улыбались и одаривали лесными дарами. Когда вышли на широкую поляну, оказалось, что рядом с селением выстроен новый частокол с воротами. Внутри частокола должны были проживать гости. Туда уже заранее доставили всё необходимое. Знали гуры, что их равнинные соседи любят жить за стенами. Сами же они свои поселения стенами не огораживали. А зачем? Великий лес служил им защитой от врагов, воров у них не водилось, а дикого зверья они не боялись. Но раз уж гостям будет спокойнее за стенами, то почему бы не уважить их обычай.

День клонился к закату, солнце уже укололось о верхушки елей. Быстро помогли гостям поставить шатры, распаковать поклажу, позаботились о лошадях и оставили отдыхать после дальней дороги. Завтра, завтра все дела, а пока спокойно почивайте гости дорогие.

Непроглядная тьма накрыла селение, как только солнце скрылось за горизонт. Дозорные запалили факела на частоколе и поддерживали костёр в центре лагеря. Хоть и в гостях, но службу дружина несла исправно. Знали, опасаться нечего, хозяева костями лягут, а не позволят, чтобы гостям было учинено какое-либо беспокойство. Но служба царёва приучила всегда быть начеку, да и жителям лесным надо бы показать, что такое строгая дисциплина и воинский порядок.

– Акишка, а ну, подь сюда, – крикнул из своего шатра старший боярин Макар Зубарь.

Акишка, боевой холоп боярина, почти мгновенно откинул полог и, поклонясь, остановился у входа.

– А ну-ка, позови сюда дружинника Всеволода, да пошевеливайся.

Но подгонять не было нужды. Акишка уже мчался к малым шатрам дружины. Вполголоса он позвал Всеволода. Тот выглянул из шатра. Холоп передал ему приказ боярина и скрылся в темноте. Дружинник ещё не раздевался и потому сразу же отправился к боярину. Но шёл он неспеша упругой молодой походкой, слегка вразвалочку. И хоть был он молод, но чувствовалась в нём уверенность в себе, гордость и сила.

– Звал боярин? – громко спросил Всеволод у входа в большой шатёр.

– Заходи Всеволод Иванович, – раздался в ответ голос Зубаря.

Дружинник откинул полог, наклонился и прошёл внутрь. Выпрямился, совершил знамение на святой образ с лампадкой и произнёс: «Мир дому сему».

– Присаживайся, разговор небольшой будет.

В шатре уже находились боярин Козьма и воевода Петро. Всеволод присел на раскладной табурет и вопросительно оглядел присутствующих.

– Лясы точить не будем, – почти шёпотом начал Макар, – ты, царевич, и так всё знаешь про завтрашний ритуал. Присутствовать будешь при переговорах, да примечать всё, прислушиваться. Мы-то в разговоре может чего и упустим, а ты со стороны углядишь молодыми очами. Опосля посоветуемся, поделимся мнениями. А чтобы не выглядело это необычным, что простой дружинник присутствует при переговорах послов – поведёшь в поводу кобылицу как самый молодой из дружины, да так при ней и останешься. Все подарки-то мы вначале поднесём, а её оставим на потом. Пусть стоит и мысли их отвлекает. У них таких лошадей никогда не было. Не конь – птица! Ну, как тебе такой план наш?

– Согласен, – степенно ответил Всеволод, – вы старые послы, везде побывали, опыта вам не занимать, дипломатическую науку вы постигли лучше всех.

– Ну и лады, так и порешим.

– Да только зря это, думается мне, – слегка усмехнувшись, сказал царевич. – Народ этот лукавить не умеет и с ними так же надо. А вот чужую лжу они чуют звериным чутьём.

– Да откуда тебе-то знать про них? – шутя, вступил в разговор боярин Козьма.

- Да в лица их я сегодня глядел, в глаза их добрые.
- Начнём разговор и поймём что к чему, – вставил воевода.

– Не мне вас учить, раз послал вас отец мой, значит, лучше некого было послать, ибо нужен нашей державе такой мощный и надёжный союзник. Вот наша главная задача. Проторить дорожку к заключению союзного договора. Царь надеется на вас. Не переусердствуйте завтра.

- Даст бог, всё пройдет удачно.
- Дай-то боже.

Все встали и сотворили знамение на образ.

Долго не мог заснуть царевич Всеволод в своём шатре. Впервые отец доверил старшему сыну и наследнику присутствовать при дипломатических переговорах. Готовит сына к будущему царствованию, приучает к пониманию государственных задач. Будущему царю нужно быть не только искусным воином, но и предусмотрительным дипломатом, рачительным хозяином своей державы. Ох, нелегка ты царская корона!

Немудрёными оказались переговоры. Встретились послы, обменялись подарками, положенными в таких случаях любезностями, соблюли кое-какие формальности и уселись за накрытый стол. Сразу стало ясно славским послам, прав оказался царевич. Гуры говорили прямо и ждали от гостей таких же честных речей. Согласились, что надо бы заключить союз, ибо это пойдёт на пользу обеим державам. Встретятся государи и скрепят союз своими печатями. Порешили, что через год в это же время встретятся два правителя на этом же самом месте и сами сговорятся, в чьей столице будет заключён союз.

А молодой дружинник так и простоял за спинами бояр, придерживая за уздцы белую кобылицу под богатым седлом отделанным белым шёлком и жемчугами. Серебряные стремена позвякивали, когда взбрыкивала молодая лошадь от нетерпения. Слушал и радовался, не подвела его интуиция, понял он душу лесного народа. А в конце переговоров передал поводья юноше, которому было доверено ухаживать за подарком молодой княжне. Только странным показался ему этот юноша. Не коренаст и не широкоплеч, как все другие гурские парни. Лицо прятал под большой лохматой шапкой. Несуразная меховая накидка скрывала его тело. И пальцы какие-то чистые, не мужские, не натруженные. Может немощный какой, вот и поручают ему несложную работу.

А на следующий день объявили большую охоту в честь высоких послов. Да и свита пусть позабавится-потешится. Пусть покажут себя в удали молодецкой. Сброшены парадные одежды. Все облачились в удобные костюмы. Оружие при себе не боевое, а охотничье, кони бьют копытами в нетерпении. Но вот протрубили рога и все тронулись в лес. Пошла потеха. Горят лица молодых в азарте. Довольно ухмыляются бывалые охотники. Били птицу влёт, соревновались в меткости из лука. И не последним оказался тот самый юноша. Скакал он на белой кобылице как бывалый всадник и стрелял как заправский охотник. Вот тебе и больной-немощный. А почему он скачет на княжниной кобылице? Может, решили объездить её получше, к лесу приучить. А впрочем, это уже их дело. Никто на него внимания особого не обращал. Азарт охотничьей забавы поглотил всех. Загоняли кабанов под удар копья. Тут сноровка нужна. Кабан – зверь серьёзный. Не порaziшь его с первого удара, сам можешь оказаться под ударом. А напоследок затравили матёрого медведя. Сильный, красивый зверь, достойный противник для настоящего мужчины. Пока собаки кружили вокруг медведя, охотники окружили место будущей схватки. Кто отважится выйти на поединок с могучим зверем? Кто покажет свою удаль и ловкость?

Бурое чудовище грозно ревело, бросалось на собак, не обращая пока внимания на всадников. Собаки хоть и храбро налетали на медведя, но куснув, тут же отскакивали. Опытные охотничьи псы знали, что достаточно на мгновение зазеваться, как косолапый одним ударом лапищи раскроит череп. Это он с виду неуклюж, а когда в гневе, бойся его скорости и реакции.

Смертельная пляска собак и медведя сместилась из центра круга к краю. И вдруг ближе всех к зверю оказалась белая кобылица с юным наездником. Медведь тут же отвлёкся от нападавших собак и обратил свой взгляд на белого коня. Мгновение и он бросился в его сторону, оскалив огромную клыкастую пасть, громогласно ревя. Молодая неопытная кобылица испугалась, жалобно заржала и шарахнулась в сторону, понесла, не разбирая дороги. Всадник не успел среагировать на такой неожиданный рывок и напоролся на ветку дерева. Руки выпустили повод, в воздухе мелькнули ноги и юноша, перекатившись через круп коня, рухнул на траву. Упал лицом вниз, замер на мгновение, потом резко перевернулся на спину, приподнялся на локтях и попытался отползти назад. Но сзади оказался ствол дерева, и он упёрся в него спиной. Не трудно было понять, что творится в душе бедного юноши. В глазах застыл ужас, сковавший все его члены. Он распахнутыми глазами, не отрываясь, смотрел на приближающуюся бурю громаду. Ещё два прыжка и неминуемая смерть лохматой когтистой лапой прервёт нить его жизни. Медведь уже не спешил. Не обращая внимания на собак, вцепившихся в его зад, он медленно двинулся на беззащитную жертву. Не торопился он, видя, что человек не пытается бежать или защищаться. Сделав несколько коротких шагов, зверь поднялся на задние лапы во весь свой огромный рост. Собаки, стервенея от злобы и бессилия, в мёртвой хватке повисли у него на спине. Но не до собак ему было. Он понимал, что смерть его неминуема, вокруг слишком много врагов, и из этой последней битвы не он выйдет победителем. Но погибая, он унесёт с собой жизнь хотя бы одного из них. Ещё мгновение и он всей массой бросится на хрупкое тело, скованного страхом человека. А юноша, собрав последние остатки воли, судорожно выхватил из ножен охотничий нож и, схватив обеими руками, направил его в сторону лохматого чудовища. Слабая надежда на спасение, но ничего другого он не мог противопоставить этой дикой мощи. Умереть, так с честью, с оружием в руках, в бою.

Он даже не понял сразу, что произошло. Какая-то сила оторвала его от земли, он взлетел в воздух и оказался в мощном захвате сильной руки. Перед глазами всё вертелось и мелькало. Всё смешалось в немыслимой какофонии звуков. Ржание чьей-то лошади, топот копыт, утробное урчание охотничьих псов, отдалённые крики людей и ужасный душераздирающий рёв медведя. Это был предсмертный рёв боли и обиды.

Молодой дружинник Всеволод первым рванул на помощь, благо был невдалеке. Разогнать своего коня он не успел и потому вложил все силы в удар копыя. Наконечник вошёл зверю под левую переднюю лапу и пробил бешено стучавшее сердце. Огромный, тяжёлый зверюга не упал, а лишь пошатнулся и опустился на передние лапы, но движение своё прервал парализованный болью. Копьё так и осталось торчать в его боку. Этого замешательства хватило молодому удалцу, чтобы поднять своего послушного коня в воздух. Опытный боевой конь смело перелетел через медведя и опустился как раз там, где готовился погибнуть юный гур. В то же мгновение сильная рука воина схватила несостоявшуюся жертву медведя за одежду и, подбросив в воздухе, перехватила его поперёк тела. Конь рванулся вперёд. Медведь, было, сделал попытку в последнем рывке зацепить круп коня, но не успел. Его остановила тяжёлая секира воеводы Зубра и второе копыё ближайшего дружинника. Череп медведя треснул, брызнув в стороны кровью и месивом мозгов. Зверь не умер сразу, он ещё метался какое-то время, но это была уже агония.

Всеволод уже сдерживал своего коня, когда убедился, что опасность миновала.

– Ах ты, господи, и куда ж ты, малец, полез поперёд всех?! – попенял он нерадивому охотнику.

Скрывшись за густым ельником, остановил коня и только тут заметил, что шапка скрывавшая лицо юноши слетела, освободив водопад серебряных волос. Но ещё больше удивился он, когда рукой почувствовал, что держит не мужское тело. Чувствовалось это даже через несущую разную долгополую меховую накидку.

– Пусти, задавишь, – раздался сдавленный голос спасённого.

– Мать честная, да никак девица?! – удивлённо произнёс дружинник, усаживая перед собой бывшего юношу.

– Пусти, говорю, пусти! – ещё настойчивее потребовала девица.

– Чудно, диво дивное, вот так волшебство! – ещё больше удивляясь, разглядывал Всеволод спасённую им девушку. – Да бывает ли на свете белом такое чудо небывалое?!

– Чего лапаешь, охальник, пусти же, аль оглох? – насупившись, потребовала она и уперлась руками ему в грудь.

Но сильные руки не выпускали волшебную добычу, а девичьи руки предательски слабели. Глаза их встретились и, словно Солнце погасло в небесах, словно исчез весь мир. Не было теперь вокруг ничего кроме этих глубоких глаз, в которых оба утонули на мгновение. Аж сердце захолонуло. Но недолго длилось это блаженное забытьё. Радостный крик Зубра вывел обоих из оцепенения.

– Жива княжна, уберегли духи лесные нашу Журавушку.

Княжна встрепенулась и выскользнула из объятий Всеволода, лишь по рукам его ручьём стекли волшебные струи серебра. Лицо её горело румянцем, а в глазах сиял неизъяснимый волшебный свет.

– Спас ты, молодец, от лютого зверя да смерти неминучей девицу и, по обычаю, имеешь право просить её в жёны, коли по нраву пришлась, да коли сердце твоё свободно, – произнесла она почти шёпотом, в смущении опустив глаза.

Кто-то уже поймал её лошадь и подвёл к ней. Гибкое, упругое тело легко взлетело в седло. Она тронула кобылицу и ускакала, скрывая смущение. А спаситель её безмолвно следил, как удаляется, теряясь среди ветвей чудное создание, как развешаются невиданные серебряные волосы. А сердце колотилось как бешенное, душа пела и рвалась ввысь! Откуда в этом диком таёжном краю взялось такое чудо? Как могло народиться такое прекрасное дитя у этого неказистого народа? Всё в ней было без изъяна и, казалось, нет на свете краше её никого.

Кто-то похлопал молодца по плечу и произнёс одобрительно: «Ай да удар знатный! Эка ты косолапого-то, прямо в сердце поразил!». Всеволод обернулся. Сзади к нему подъехал боярин Козьма и, взглянув в глаза, добавил шёпотом: «Э, да ты царевич прямо не в себе. Уж не спасённая ли княжна причиной тому?». Ответа не последовало.

Вечером, когда все вернулись в Колту, царевич явился в шатёр боярина Макара.

– Хочу просить у князя дочку его в жёны себе, будьте с боярином Козьмой моими сватами.

– Что ж царевич, свадьба сия была бы очень кстати. И невеста хороша и право на неё ты имеешь по обычаю. А главное, державе нашей это во благо.

– Люба она мне, ох как любя. Как глянул ей в очи, так и понял – моя она и ничья больше!

– По любви-то оно ещё лучше, да только рановато тебе раскрываться, поверь старику. Она ведь тоже не сразу открылась, случай помог. Заяви о своём праве как простой дружинник. Пусть узнает об этом князь. А откажет, тогда уж будем сватать тебя как царского наследника. Оставим здесь гонца, а сами отправимся домой. А уж когда гонец ответ князя доставит, решите с государем как быть.

Как ни трудно было Всеволоду возвращаться домой без возлюбленной, а пришлось согласиться с доводами опытных дипломатов. Хотя и не царь ещё, а тяжесть короны уже чувствуется.

Княжна же, когда вернулась домой, бросилась в ноги отцу с мольбою: «Не отказывай ему, батюшка, родненький! Не будет мне жизни без него на этом свете. Люб он мне!»

– Да ты сдурела, девонька. Он же простой воин, хоть и царский дружинник. А ты княжна. Не по чину тебе за простого замуж выходить.

– Свет мне не мил без него будет, если откажешь. Как увидела очи его бездонные, так и пропала в них будто в омуте. Люб он мне, какой есть! Не откажи ему милый батюшка!

– Ну, совсем разум потеряла девка. И зачем я, старый пень, поддался на уговоры твои, отпустил на послов посмотреть? – усмехнулся Зоротай.

– Да ведь сам ты грозился отдать меня за первого встречного. Вот он и встретился. Держи слово княжеское, батюшка.

– Ишь, как повернула. Ладно, ступай, подумаю я.

– Но ведь по обычаю... – но не дал князь дочери договорить, указав жестом на дверь.

Недолго противился князь Зоротай, помчал гонец в Мураван с радостной вестью.

И вот теперь стоял царь Всеволод на коленях перед ложем своей любимой жены, страдал безмерно и гладил её серебряные волосы. Чуть живая лежала перед ним царица и тоненькой свечкой теплилась в ней жизнь, готовая угаснуть в любое мгновение.

Лучших лекарей да знахарей доставляли к ложу царицы. Великую награду обещал царь тому, кто вылечит и приведёт в чувство его обожаемую Журавушку. Но всё напрасно. Все лекари в один голос заявляют, что нет никаких болезней у царицы, все знахари утверждают, что здорова царица. А почему в сознание не приходит, никак не понять.

Очень горевал Всеволод, очень был зол на лекарей, да знахарей, но головы рубить не велел. Выместил свой гнев на невинном младенце. Помутился разум его с горя, и велел он убрать с глаз долой новорожденную дочь свою. Казалось ему, что всему виной она.

– Пошто не по-людски поступаешь, государь? – пеняла ему старая нянька. – Чем младенец тебе виноват?

– Она ли виновата в том, что зачал ты её? Смилуйся над ней царь! – заступались за царевну бояре.

– За что, отец, ты обрекаешь на страдания невинное дитя, за что обратил гнев свой на сестру нашу единокровную? – вопрошали сыновья.

Но царь был непреклонен. Велел удалить младенца в дальний монастырь вместе с нянькой Молодилой. Пусть растёт там и воспитывается до поры. И пусть никто не знает, что она царевна. А Молодиле под страхом смерти запрещалось рассказывать кому-либо и самой девочке о том, кто она есть на самом деле. Всем придворным тоже запрещалось вспоминать о рождении царевны. И только царицын серебряный медальон с летящим ангелом должен был храниться при ребёнке.

Так и покинула опальная царевна дворцовые покои в плетёной корзине, без благословения родительского, без имени и без кормилицы, ибо Молодила ходила ещё в девках. В дальний монастырь, затерянный среди северных гор Каринии, что на границе с землями диких северных племён, лежал её неблизкий путь.

И надо же так случиться, что за день до рождения царевны, жена старшего царевича Якова княжна Мира, тоже родила дочь. Хоть и первый ребёнок у неё это был, а роды прошли быстро и без осложнений. Девочка родилась здоровенькая, да пригожая. Молодая мать тоже чувствовала себя хорошо и вместе с мужем радовалась младенцу. В хоромы Якова, было, веселье намечалось, да омрачила праздник горькая весть о состоянии царицы и об опале новорожденной царевны. Без торжества прошли крестины. Девочку нарекли Светозарой. Уж больно светел был лик её, и смотрела она на мир глазёнками чистыми как лесной родник. Так радостно и невинно улыбалась она, не ведая ещё горестей и жестокости этого коварного мира.

*

Архагор стоял спиной к круглому алтарю. Позади него пылал тот самый ритуальный костёр, пламя которого породило Магическое Око. Перед ним, склонив головы, стояли два молодых жреца в таких же одеждах, как и он, только солнечные медальоны на них были гораздо меньше.

– Братья мои, я призвал вас для выполнения священной обязанности. Возлагаю на вас тяжёлую миссию и надеюсь на вас. Вам предстоит разыскать в далёкой чужой стране ту, которая станет нашей владычицей и верховной жрицей. Она ещё только явилась в этот мир и поэтому её необходимо найти и доставить сюда как можно раньше, чтобы она не успела впитать в себя культуру того варварского народа, среди которого ей суждено было родиться. Она должна быть частью нашего народа и принадлежать этой стране. Вы должны найти девочку с солнечным именем, волосами как солнечные лучи и глазами цвета морской волны. Она родилась в семье одного из правителей тех северных стран, что лежат за восточным океаном. Это не простая задача, найти одного единственного человека на такой огромной территории, но других сведений в божественном послании не было. Я даю вам карту, где подробно описаны те страны и их соседи. Вы должны торопиться. Всего два года осталось. Враги наши боятся выступить против нас до истечения тридцати лет. Но если она не прибудет к этому сроку, разразится великая война, мы не сможем сдержать их. Придётся поступиться некоторыми нашими принципами миролюбия, ради высокой цели. Вам предоставляется полная свобода действий. В средствах вы не ограничены. Казна храма полна драгоценностей, и вы возьмёте с собой столько, сколько сможете унести. Подкупайте, совершайте государственные перевороты, делайте всё, что сочтёте нужным, но доставьте бесценное дитя Солнца сюда. Вас долго готовили к выполнению такого рода миссии, но теперь настал ваш час. Сегодня приготовьте всё, что понадобится вам для этого дела, а завтра отплывайте на корабле к Средним островам. Там взойдёте на борт чёрного корабля капитана Рейгонара. Он узнает вас по солнечным медальонам и доставит туда, куда вы укажете. Да пребудет с вами благодать Солнца. Идите и не возвращайтесь без девочки.

Масар и Даруг одновременно поклонились Архагору и, не задав ни единого вопроса, тихо удалились.

*

Заканчивался второй месяц путешествия по океану, когда вперёдсмотрящий матрос крикнул с мачты: «Земля!». Это открылся один из островов архипелага Аглы. А за островами лежал материк. Тот другой материк, на котором жили другие люди, с другими обычаями, культурой и законами, даже их цвет кожи отличался от кожи жителей Солнечных Гор. Но главное, там появилась на свет та, которую им предстояло разыскать. Та, которой суждено стать великой владычицей и верховной жрицей. Та, которая должна принести спокойствие и мир народам их континента. Масар и Даруг хорошо были подготовлены к встрече с иными людьми. Они не раз встречались с представителями разных народов, но на своей родине, а теперь им предстоит жить и выполнять секретную миссию среди них. Много полезного вынесли они из общения с членами экипажа чёрного корабля и самим капитаном Рейгонаром. Жестокий и жадный капитан набирал на свой пиратский корабль отщепенцев со всего света. У себя на родине по ним давно плакала петля или топор. Негде им было спрятаться от правосудия и людской мести кроме как на этом зловещем паруснике. Убийства и грабеж для них было лучшим занятием, и делали они это с удовольствием. Но в узде их мог удержать только такой человек как Рейгонар. Слава о его жестокости, безжалостности и жадности наводила ужас даже на этих отъявленных негодяев. И только на жестокости держалась дисциплина на палубе этого корабля. Но даже он, человек, который не боялся никого, знал, кто такие два его пассажира, и относился к ним уважительно. Ссориться со жрецами Солнца – себе дороже. Да и обязан он был им многим. Страна Солнечных Гор давала убежище его кораблю, там можно было пустить в ход награбленные сокровища, там можно было продать пленников. Но там нельзя было грабить и убивать. И он соблюдал этот единственный договор.

Жрецы общались с командой, изучая языки и обычаи тех стран, откуда родом были эти люди. Среди команды их привлёк юнга. Мальчишке было всего лет семь, но способности его поражали. Он свободно изъяснялся на всех языках разноязычной команды, скакал по снастям,

словно обезьяна по джунглям, неплохо владел кривым кинжалом и умел попадать из маленького своего лука в мелкую монету с двадцати шагов. Он стойко переносил побои, если его наказывали за воровство или другие провинности. Жизнь среди преступников не прошла даром. Говорили даже, что он добил однажды раненного купца своим кривым кинжалом, когда брали на abordаж торговое судно. А воришкой он был отменным. Даже подготовленные ко всяким неожиданностям пассажиры чуть было не прозевали свои золотые медальоны в начале плаванья. Даруг проснулся уже в тот момент, когда медальоны были уже в руках юнги, и он собирався улизнуть из их каюты. Его поймали и хотели сначала примерно наказать, но поговорив с ним, решили не делать этого. Парнишка был сообразителен не по годам. Жаль, если такой талант пропадёт без пользы. Они решили, что им может понадобиться такой помощник.

– Как звать тебя, грязный воришка? – спросил Масар.

– А тебе какое дело? – на их языке огрызнулся мальчик.

– Отвечай, если попался, будет хуже! – прикрикнул Даруг.

– Да пошёл ты, свинье под хвост, ослиная морда! – ответил вор.

– Сквернословие – большой грех, но ты не виноват в этом, живя среди отбросов этого мира, – произнёс задумчиво Масар. – Вот если бы ты жил и обучался в других условиях, из тебя мог бы получиться приличный человек.

– Я и так буду приличным человеком. Когда я вырасту, капитан состарится, и я его убью, а сам стану капитаном этого корабля. Вот тогда я всем отомщу.

– Может быть, ты и сможешь стать капитаном, но скорее тебя убьют в схватке или, вернее всего, забьёт до смерти Рейгонар, – спокойно возразил Даруг.

Мальчишка весь сжался и напрягся всем телом при упоминании этого имени, в глазах его отразился животный страх перед капитаном.

– Пусть бьёт, пока может, я терпеливый.

– А ты убежал бы и всё, – предложил жрец.

– Как же, убежишь от него! У капитана везде глаза и уши. Поймает и уж тогда точно убьёт, а я хочу выжить, вырасти и отомстить, – не по-детски злобно и серьёзно ответил юнга.

– Но ты бы хотел покинуть этот проклятый корабль? Что ты видел в своей несчастной жизни кроме побоев на этом разбойничьем судне? Нам нужен смывлённый помощник. Пойдешь с нами?

– Капитан не отпустит, – серьёзно ответил мальчишка.

– Это мы возьмём на себя. Ты пойдёшь с нами?

– Да, а чего мне здесь терять. А если не понравится, я сбегу от вас запросто.

– Так как же тебя всё-таки зовут? – опять спросил Масар.

– Таракан.

– Это, понятно, прозвище, а имя твоё как?

– Все и всегда звали меня Тараканом, потому, что я быстрый и живучий.

Жрецы переглянулись и без слов поняли, что он им подходит.

Когда раздался крик «Земля!», оба жреца поднялись на капитанский мостик и стали обсуждать детали предстоящей высадки. Ночью они подойдут как можно ближе к берегу, и их на шлюпке доставят на берег. Заходить в порт в этих местах опасно. Слишком известен чёрный корабль своими чёрными делами, а за голову капитана Рейгонара многие правители прибрежных стран назначили солидное вознаграждение. Когда детали обговорили, жрецы перешли к другому делу.

– Капитан, нам нужен мальчик для мелких поручений, отдайте нам своего юнгу.

– Что!? – Рейгонар вытаращил на них свои звериные глаза из-под рыжих густых бровей и прорывал сквозь зубы. – Да вы совсем обнаглели, мало того, что я вас бесплатно переправил через океан, а теперь, рискуя шкурой, высаживаю на берег, так вы ещё хотите забрать моего сына! Это уже слишком. Не будь вы теми, кто вы есть, давно бы кормили акул.

– Как, этот заморыш – юнга – ваш сын?! – искренне изумился Даруг.

– Да он мой сын и моя собственность, подавиться мне бочонком рома!

– Но мы думали он вам чужой, вы и ваша команда так жестоко с ним обращаетесь.

– Ничего, пусть привыкает. Молодой. Кости целы, а мясо нарастет. Только так из него может вырасти настоящий джентльмен удачи. Он уже попробовал вкус крови, когда вспорол брюхо тому толстопузому торгашу, – самодовольно прохрипел капитан.

– Тогда продайте его нам, раз он ваша собственность, – предложил Даруг, надеясь на жадность капитана.

– Что можно получить за этого мерзкого таракана? – презрительно выплюнул из себя Рейгонар. А в глазах его отразилась алчность. Он знал, что жрецы богаты и не скупятся, если им что-то нужно.

– Мы дадим хорошую цену.

– Две тысячи золотых пилютов, – ощерил свои хищные клыки пират.

– Это очень много, за эту цену можно купить всю вашу команду с оружием и припасами на целых три месяца, – возразил Масар.

– Это не простой мальчишка. Он мой сын. Он чертовски смыслённый малый. Выносливый и послушный. В ваших хитрых делишках он может оказаться незаменимым.

– Всё равно это слишком высокая цена, – настаивал Масар.

– Да не скупитесь вы. У вас, жрецов, денег много, как рыбы в океане. Товар того стоит, – засмеялся отец мальчика.

– Наши деньги вас не касаются, а цена слишком велика, – торговался Масар. – Только за ваше неукоснительное выполнение договора мы дадим триста пилютов.

– Триста пилютов?! – громогласно расхохотался капитан в лицо жрецу. – Такого слугу вы больше нигде не найдёте. Только из уважения к Архагору полторы тысячи.

Торг был не долгим. Сошлись на тысяче золотых пилютов. Масар снял с пальца перстень с камнем Хората. Он стоил как раз тысячу и передал его продавцу. Редкий камень засиял в грубых пальцах пирата, а его отблески отразились в алчных глазах негодяя.

– Эй, Таракан, – Масар окликнул мальчишку, который чистил камбузную посуду на шканцах, – брось эту работу. Собери свои вещи и жди нас в нашей каюте. Теперь ты служишь Храму.

Мальчишка без слов бросил всё и мигом исчез под полубаком. Через мгновение он выскочил на палубу с маленьким мешком и бегом помчался к кормовой надстройке. Колченогий кок грязно выругался ему вслед, но не остановил, так как знал, что без согласия капитана юнга не посмел бы бросить работу.

Как только Солнце утонуло в океане, чёрный корабль двинулся к берегу. Темнеет в этих широтах очень быстро и есть шанс избежать лишних глаз. А к рассвету они должны быть уже вне видимости берега.

Ночь действительно была черна как дёготь, да ещё и туман опустился на воду. Огня не зажигали. Пираты работали в крошечной тьме. Хотя и отпетые негодяи, но опытные моряки, они действовали безошибочно, ориентируясь только по звукам и на ощупь. Жестокий капитан умело и беспощадно дрессировал свою команду как хищников в цирке. Каждый знал корабль как свои пальцы и по команде бросался именно туда, где и надлежало ему быть.

Смазанные заранее тали почти бесшумно спустили на воду шлюпку. Шестеро гребцов и фокковый боцман быстро заняли свои места. Таракан мгновенно скатился по штормтрапу в шлюпку и занял место на носовой банке. За ним осторожно в шлюпку спустились жрецы и их багаж. Отдали гаки, и шлюпка отвалила от борта. Опытные гребцы гребли быстро и почти беззвучно. Уключины с секретом не скрипели. Пиратам ни к чему было привлекать внимание к своему присутствию в этих водах. Боцман как зверь вслушивался в плеск волн и безошибочно вывел шлюпку к пологому берегу. Когда под форштевнем зашелестела галька, четверо моряков

спрыгнули в воду и приняли на руки пассажиров с их вещами. Мальчишка спрыгнул с носа первым и тихо пошёл на берег. В нём уже давно выработался инстинкт скрытности, а теперь ещё и передалось напряжение всех гребцов. Жрецов опустили на твёрдую землю и оставили у ног поклажу. Где-то рядом сопел бывший юнга. Пираты растворились во тьме, будто их и не было, лишь лёгкий плеск выдавал движения в воде. Ни слов прощания, ни рукопожатий, ни добрых пожеланий. Глупо желать удачи убийцам и подонкам. А пиратам в свою очередь было глубоко плевать на двух жрецов и их нового слугу.

На незнакомом берегу остались трое.

*

– Эй, тётка, а зовут-то тебя, как? – окликнул кормчий женщину.

– Да тебе не всё равно, уплатили, так вези, – беззлобно ответила нестарая ещё пассажирка.

– Оно верно, заплатили исправно, даже больше, чем стоило бы. Так что не бойсь, доставим куда сказано. Да только путь-то неблизкий. Что ж так не познакомившись и поплывём? – улыбаясь, продолжал беседу мужчина. – Меня вот Ратмиром кличут, а тебя?

– Молодила я.

– Вот и познакомились, – и тут же отдал кому-то команду. – Эй Серко, ты правый блок-то не перетягивай, лучше вон шкаторину подбери, а то парус не забирает! Вот, говорю, и познакомились. В верховьях ещё только ледоход прошёл, так что ты в этот раз единственная попутчица наша, не с корзинами же мне разговаривать.

– А у тебя, видать, язык-то без костей, поболтать любишь как бабы на базаре.

– Ну, бабы не бабы, а поговорить с новыми людьми люблю, не то расскажет кто чего интересного, небывалого, кому-то я расскажу. Я много повидал, хоть и не старый ещё, всякого нахлебался. Сызмальства под парусом, да на вёслах. Вот от бати ремесло-то и перенял.

– Да о чём же таком небывалом я-то тебе могу рассказать? – спросила Молодила.

– Интересно мне, вот зачем ты одна в дальнюю дорогу пустилась?

– На богомолье в горный монастырь еду.

– Так и знал, что соврёшь. Видано ли дело, чтобы с дитём малым на богомолье ездить?

Молодила встрепенулась и тревожно взглядела в Ратмира.

– Какое дитё? С чего ты взял?

– Да ведь не слепой я и не глухой. В корзине-то у тебя кто?

– А это уж не твоего ума дело!

– Да оно конечно, только зачем таиться, всё равно откроется. От муженька сбежала, небось? Бил сильно, поди, а заступиться некому. Радости в лице твоём не вижу. А ведь не из бедного семейства ты. Одежда на тебе хоть и дорожная, а дорогая. А может, сосланная ты?

– Да уж, не от хорошей жизни уезжаю. Только не выпрашивай ты меня, добрый человек. Не бери раны.

– Ну, коли больно это тебе, не буду, – сочувственно согласился кормчий. Ты бы перебиралась в шатёр. К вечеру сыро будет, не простудила бы ребятёнка-то на ветру. Скарб у тебя не велик, места много ты там не займёшь.

– Спаси тебя бог на добром слове, – поблагодарила пассажирка и стала перетаскивать свои вещички с палубы в шатёр.

Ладья плавно и скоро бежала с попутным ветром по гладкому течению Муравы. Не слишком велика река, но с норомом. Мели кочевали по ней совершенно непредсказуемым образом. Великое мастерство должен иметь кормщик, чтобы провести гружёную ладью от устья почти до самых верховий. В верховье река Мурава сближалась с другой рекой Великой. В самом узком месте прорыт был канал между двумя реками. Рыли его ещё в незапамятные времена и с тех пор заботливо поддерживали в судоходном состоянии. Канал очень сокращал путь от

Муравана до северного и восточного княжества. А по Великой можно было добраться аж до самых гор Каринии. При благоприятном стечении обстоятельств добраться от Муравана до горного монастыря можно было за две недели. Но в этот раз путешествие обещало затянуться. Ладья Ратмира должна была сначала подняться выше канала почти до самых истоков, разгрузиться там. А уж потом спуститься до канала и перейти в Великую. По Великой снова вверх до самых предгорных порогов. По пути останавливались в прибрежных селениях, вели мелкую торговлю, закупали провизию. Молодила всюду старалась раздобыть для младенца свежего молока и запастись им в дорогу. Да ведь это же не материнское молоко. Вот горе-то. Чего же царёвы бояре не отправили с ней кормилицу? Деньгами вот снабдили, да только не деньги нужны новорожденной царевне, а ласка материнская.

– Ох, горемычная ты моя, да за что же это на тебя беда такая свалилась? Солнышко ты ясное моё. При живых-то родителей сиротой осталась! – причитала нянька шёпотом, укачивая ребёнка.

А девочка смотрела на неё и весь этот новый мир ангельскими глазками и будто понимала всё. Молодила даже удивлялась этому не по годам осмысленному взгляду.

Долго ли, коротко ли, а почти месяц прошёл как ладья отправилась из столицы. Много миль осталось за кормой. Много разных разговоров переговорено на этой корме. Как-то незаметно сблизилась Молодила с Ратмиром, подружились. Иногда, уложив ребёнка, она шла на корму и, присев на рундук, с интересом слушала рассказы кормщика. Говорливый лодейщик охотно рассказывал ей о виденных краях и даже заморских странах, где ему довелось побывать. Шутки и байки лились из него бурным потоком. Рассказывал он много и весело, но в разговорах всё пытался разузнать о своей попутчице поподробнее. Только замолкала женщина, как только речь заходила о причине её путешествия. Так до конца пути и не узнал Ратмир её тайны.

Уже вдали, за голубой дымкой, виднелись заснеженные вершины гор Каринии. Где-то там, среди угрюмых хребтов, в одной из долин, затерялся монастырь. Конечная точка путешествия и место неопределённого длительного пристанища опальной царевны и няньки её Молодилы. Течение реки уже не было таким ровным и ленивым, как раньше. Парусу помогали вёслами. Гребцы напрягали мышцы, выгребая против норовистой реки. Ещё немного и они войдут в тихую заводь. Только в это время года с попутным ветром можно было добраться по ещё высокой воде до этого дальнего причала. Дальше водного пути не было, впереди непроходимые пороги. Небольшое селение приютилось на берегу. Оно так и называлось «Пороги». Не часто сюда заплывали такие большие ладьи, как эта. Но бывал здесь раньше Ратмир и уверенно вёл своё судно по бурной воде. Вот и заветная заводь. Парус спущен, и ладья на вёслах плавно подошла к причалу. На берегу уже толпились местные жители, они давно были оповещены о подходе большой ладьи. На причале стоял староста и ещё трое старцев.

– Доброго здоровичка, отцы, – первым приветствовал весело Ратмир. – Как живёте-можете, уважаемые!?

– Дал бог, без бед. А добра ли к вам была река, молодцы-лодейщики? – степенно ответил на приветствие староста.

– Вашими молитвами, путь наш был не труден.

Ладья крепко ошвартована к причалу, вёсла уложены. Кормщик ловко спрыгнул на доски причала и протянул руку шагнувшему навстречу старосте.

– Ну, здрав будь дядька Сабур!

– Здравствуй, здравствуй племянш, давненько не заглядывал ты в родные края, – пожал руку староста и обнял племянника.

– Так ведь недосуг всё! Торговля нынче бойкая идёт, много товару возить приходится, а страна наша большая.

– Да уж, велика держава славская, – гордо отвечал староста. – А много ли товару нам доставил?

– Так, почитай, всё, что заказывали и даже более того... – ухмыльнулся кормщик с хитрецей.

– Это как понимать?

– Да вот попутчицу нам бог дал и не одну, а с младенцем. Из самой столицы с нами прибыла.

– Чего же она забыла в нашей глуши с дитём-то? – слегка удивившись, спросил Сабур.

– На богомолье в монастырь едет, – ответил кормщик и, понизив голос, добавил. – Да не всё так просто, грамота при ней царская и младенец, видать, не её.

– Как же это, с чужим дитём, да в такую даль, да без сопровождения?! Чудно!

– Не рассказывает она, я хотел, было, узнать. Видно тайна тут какая-то. Да и не моего это ума дело. Мне заплатили – я её доставил, – и совсем понизив голос до шёпота, добавил. – Только хорошая она женщина, мы в дороге много говорили. По всему видать, не по своей воле в путь дальний пустилась. Я в людях разбираюсь, приглянулась она мне. Если будет ей нужда какая, помоги, коли сможешь.

– Отчего же не помочь хорошему человеку, а тем более родной племяш просит, – по доброму прошептал дядька Сабур и уже в голос спросил. – Да где она сама-то?

– А в шатре. Молодила, покажись, староста Сабур тебя кличет, – крикнул Ратмир в стору ладьи и добавил. – Пойду я, похлопочу с разгрузкой.

Он отправился к ожидавшим старцам, а из шатра показалась женщина, с головы до ног закрытая серым дорожным плащом. Ей помогли сойти по сходням на причал. Руки её были заняты. Она бережно несла большую корзину.

– Ты ли, женщина, едешь на богомолье? – обернувшись к ней, спросил староста.

– Да, я, батюшка, – тихо ответила женщина и слегка поклонилась старику.

– Кормщик сказал, что грамота царская при тебе имеется, правда ли то?

– Правда, – опять тихо ответила она и, опустив корзину к ногам, достала из поясного кошелька маленький свиток пергамента. Протянула его старосте и опять взяла на руки корзину.

Сабур принял из её рук грамоту, заметив, что руки-то не крестьянские. Не спеша развязал тесьму и медленно развернул свиток. Грамота была написана ровным аккуратным почерком, но без вычурных завитушек, чтобы мог прочитать любой мало-мальски грамотный человек. Хоть и был Сабур в годах, но зрение сохранил острое, потому и читать стал сам. А грамота гласила: «Сия жена Молодила с младенцем женского рода, царским указом направляется на богомолье в монастырь Каринских гор. Всем старостам селений оказывать дорожное содействие в жилье и транспорте. Царь Всеволод». Внизу была приложена печать царской канцелярии и подпись царского писаря.

– Не простая ты пташка, раз царская грамота при тебе, да ещё и писана на пергаменте, – серьёзно обратился к женщине староста.

А та тяжело вздохнула и ничего не ответила. Сабур неопределённо покачал головой и добавил: «Ну, раз так, будем выполнять царский указ, а остальное не нашего, видать, ума дело». Он аккуратно свернул грамотку, вновь перевязал её тесьмой и протянул молчаливой женщине.

– Эй, Миней да Машук возьмите-ка её поклажу с ладьи, да отнесите ко мне, – окликнул он двух молодых парней на берегу, а ей сказал. – Пойдём горемычная, переночуешь у меня, а завтра с обозом поедешь в монастырь.

Много повидал на своём веку старый Сабур, множество людей прошло через это селение на богомолье в монастырь, но очень немного было среди них, таких как она. Догадывался староста, что не по своей воле пустилась она в дальний путь с младенцем на руках и с такой подорожной в поясном кошельке. Сосланная она, в немилость царскую попала. Только перепутал он, не догадывался, что сослана не она сама, а именно невинный младенец стал причиной её изгнания.

Поутру с первыми петухами ожило селение Пороги. Заскрипели телеги, зафыркали лошади. Сонные мужики, лениво ругаясь, запрягали. Товары для монастыря уже с вечера были уложены на телеги, и обозу предстояло отправиться в путь с раннего утра, как только покажется Солнышко. Хороший обычай отправляться в путь с первыми лучами.

Когда всё было готово, к телеге, где разместилась Молодила с неременной корзиной на руках, подошёл кормщик.

– Вот, попрощаться пришёл, когда теперь увидимся.

– Прощай Ратмир, спасибо тебе за всё.

– Удачно тебе добраться до монастыря.

– И тебе удачи в трудах твоих нелёгких. Добрый ты человек, хорошо с тобой, – сказала она тихо и стыдливо опустила взгляд.

Оба замолчали в смущении. Он взял её руку, а она не пыталась отнять. Так промолчали они немного. Заминку их прервал окрик переднего возницы: «Готовы ли?». Весь обоз отозвался: «Готовы!». Тогда передний сотворил знамение и крикнул: «С богом, в путь, тронули!». Обоз тронулся. Сначала двинулась первая повозка, а за ней начали движение постепенно остальные. Вереница телег вытягивалась по дороге в направлении гор. Ратмир шагал рядом с телегой, не выпуская руки Молодилы.

– Буду через год здесь, разыщу тебя, ждать будешь? – прервал затянувшееся молчание кормщик.

– Буду, Ратмирушка, буду, – она вскинула на него влажные глаза и тихо попросила. – Найди меня, не забывай.

Он выпустил её руку и остановился, провожая взглядом. Она тихо всхлипнула, и по щекам её скатились крупные капли. В глазах всё расплывалось от слёз, а она смотрела сквозь эту влажную пелену на удалявшуюся фигуру. Что-то ждёт их впереди, как примут её суровые места?

*

А Мураван гудел как потревоженный улей. Ровно через семь дней после того, как в тяжёлых родах царица впала в беспамятство и через пять дней, как покинула опальная царевна в своей корзинке столицу, случилось небывалое событие. Средь бела дня погасло Солнце. Бывали и раньше затмения, но в этот раз произошло что-то невероятное. Светило погасло почти мгновенно и не осталось на его месте сияющей короны, а лишь бурое туманное облачко едва светилось на чёрном небе. Будто засохший кровавый след на траурном бархате. Это необычное затмение навело на жителей такой ужас, что весь город словно вымер. Даже собаки перестали лаять, птицы замолкли, а люди в оцепенении смотрели на скорбное небо и не могли издать ни звука. Но затем столицу накрыла волна истеричных воплей. Горожане и гости в панике метались по улицам, истошно кричали. Кто-то плакал, кто-то молился, но все уверены были, что настал конец Света.

Солнце появилось так же внезапно, как и погасло. По городу метались с нервным лаем обезумевшие собаки, в небе повис оглушающий гвалт потревоженных птиц. Люди потихоньку приходили в себя. А через некоторое время на рыночной площади, при огромном скоплении народа заголосила бабка Варвара.

– Ой, люди добрые, злое знамение послал на нас нынче господь! Великое зло грядёт. Не будет мира в нашем царстве-государстве.

– Чего каркаешь, старая, беду накличешь! – выкрикнул кт-то из толпы.

– За грехи наши и царя нашего ниспослано будет нам наказание!

– Это же ведунья Варвара, – пронеслось по площади.

– Да колдунья она, небось сама и наколдовала! – раздался злой голос.

– Окстись, да никому никогда она вреда не делала, – возражали злому голосу.

– Готовьтесь люди добрые к бедам великим и тяготам непомерным, – кричала старуха-ведунья. – Царь наш рассудком помутился, и царица когда очнётся, память потеряет!

– Ты старая ведьма, пошто это кликушествуешь, чего про царскую фамилию речи паскудные ведёшь, зачем народ баламутишь?! А вот мы тебя сейчас скрутим да на суд. – заревел из толпы старшина стражников.

– Попомните, да поздно будет! – крикнула в последний раз старуха и юркнула в толпу.

Да и пропала насовсем. Как ни пыталась стража отыскать колдунью, всё без толку. Исчезла, будто не было её никогда. И никто больше не видел её ни в городе, ни в окрестностях. А меж тем столица гудела слухами. Придворные мудрецы и астрономы с астрологами никак не могли понять: как могли они так грубо просчитаться. Не должно по их расчётам быть затмения в этот день. А приезжие удивлённо заявляли, что не было никакого затмения. Оказывается, затмение видели только в Мураване. Этот факт ещё больше будоражил умы и вводил в заблуждение. Да к тому же из дворца просочились слухи, что царица и впрямь очнулась, да только не узнаёт никого, кроме супруга своего. И помнит только молодость свою. Новорожденный младенец родился мёртвым, а царь Всеволод с горя рассудком помутился. Видать права была ведунья, а может это она сама и наколдовала? Да кто ж теперь разберёт?

А в далёком селении Пороги, что расположилось у реки Великой в предгорьях Каринских гор, как-то остановилась старушка-паломница, прося у жителей милостыню на пропитание. Была она седая и сгорбленная. Одной узловатой рукой держалась за посох, а другую с высохшими пальцами протягивала за подаванием. Босые ступни её грязны и избиты дальней дорогой. Кожа на них огрубела как копыто и потрескалась. Сморщенное лицо сильно обветрено и загорело, но на нём сияли добрым светом ясные зелёные глаза. Одета она была бедно, почти нищенски, но дыры аккуратно заштопаны и умело пришиты заплаты. Голова повязана чистым белым платком. А под платком аккуратно зачёсаны седые волосы. Поношенные чуни из толстой кожи заботливо подвязаны к заплечной котомке. Видно берегла старушка свою обувь.

Паломники-богомольцы здесь проходили иногда, потому никто и не удивился, когда старушка присела на придорожный камень около пристани.

– Подайте, люди добрые, на пропитание, а я уж за вас помолюсь в монастыре, – обратилась она к проходившему мимо мужчине с мальчиком.

– Да нету у нас при себе ничего, старая, – ответил равнодушно мужчина и, обращаясь к мальчику, добавил. – Сынка, сбегай домой, спроси у матери краюху, да принеси ей, а ты погодь немного, – бросил он старухе и продолжил свой путь.

– Наградит тебя Господь за доброту твою, – вслед уходящему прошептала она.

Через короткое время примчался мальчуган и протянул ей краюху ржаного хлеба.

– Спаси бог твою ангельскую душу. Присядь рядом, внучек, да вкуси со мной хлеба.

Мальчик примостился на траве у ног старушки, а она, преломив хлеб, протянула ему кусок.

– А давно ли отправился в монастырь обоз? – спросила паломница мальчика.

– А уж как два дня, – жуя, ответил тот.

– А много ли богомольцев ушло с тем обозом?

– Не-е, одна только тётка на телеге поехала, – ответил он и серьёзно добавил. – А тебе бабушка, хорошо бы было с ними. Старенькая ты, трудно, поди, одной пешком-то?

– Трудно, милый, трудно, – погладила она его по голове. – Доброе сердце у тебя дитятко. А не проводишь ли ты старуху до околицы, чтоб собаки не тронули меня, а я тебе сказку расскажу.

– Пойдём, провожу, я собак не боюсь, да и они меня знают.

Она спрятала остаток хлеба в котомку и поднялась. Медленно шли они по пыльной дороге и разговаривали. А местные собаки не только не лаяли, но пробегая мимо, виляли хвостами и радостно повизгивали. Конечно, наблюдательный человек приметил бы это необыч-

ное поведение собак, но мальчик был увлечён старухиной сказкой и ничего не замечал. За околицей они расстались. Старушка поковыляла в сторону гор, а мальчишка попылил назад к дому. А когда селение скрылось из виду, горбатая старушка выпрямилась, расправила плечи и зашагала уверенным бодрым шагом, будто и не проделала она долгий путь к этим горам от самой столицы.

*

На чужом незнакомом берегу остались трое.

– Будем подниматься наверх, к дороге. К утру мы должны быть далеко, – произнёс в темноте Даруг. – Не нужно чтобы нас здесь застало утро.

– Куда мы пойдём в такой темноте? – возразил детский голос из темноты.

– Слушайся нас и всё будет хорошо, – Даруг подхватил с песка меньший заплечный мешок и безошибочно водрузил его на плечи мальчика, а в руку сунул ему небольшую сумку. – Держись за меня и не отставай.

Жрецы взяли свои мешки и сумки. Даруг с мальчиком пошли вперёд, а Масар замыкал шествие.

– Эй, ты что, видишь в темноте как кошка? – изумился Таракан, понимая, что идут они в полной темноте по тропе, поднимающейся вверх. Идут не наугад, а совершенно точно выбирая дорогу.

– Теперь ты будешь называть нас «господин Даруг и господин Масар». Понял? Теперь ты наш слуга. А если будешь хорошо служить, мы дадим тебе новое настоящее имя и, может быть, возьмём в ученики, – из темноты отозвался повелительно Даруг. – А служить Солнцу – это величайшая честь.

– Я понял вас господин Даруг, – после некоторого раздумья ответил мальчик.

– Молодец, а теперь запомни, кто бы ни спросил тебя о нас, ты должен отвечать, что мы прибыли из дальней заморской страны и ведём торговые переговоры. Где находится эта страна, ты не знаешь. Сам ты сирота, а в услужение мы тебя взяли на севере Саронга. Запомни, ты никогда не видел чёрного корабля и вообще не знаком с пиратами. Крепко запомни это, никто не должен знать, кто доставил нас на этот берег. И поменьше болтай, а больше слушай да приглядывайся. Незачем тебе показывать свои знания, кажись глупее и проще. Меньше будут задавать тебе вопросов. Понял?

– Да, господин Даруг, понял.

Они постепенно поднимались по извилистой тропинке на высокий берег, а когда тропинка перестала взбираться вверх, и пошла ровно, туман рассеялся. Видно туман стлался над водой, а здесь наверху его разогнал ветерок. Над головой засияли звёзды. Луны не было, но уже можно было различить три фигуры на краю высокого утёса. Где-то вдали мерцал огонёк. Там угадывалось поселение. Туда они и направились. В темноте, по плохой дороге они добрались до селения уже когда над горизонтом забрезжил рассвет. Таверну нашли быстро. «Старый Нарвал» располагался на центральной улице почти на самой окраине. Дверь была заперта, и Масар ударил в неё колотушкой, висевшей рядом. Из-за угла выскочила лохматая чёрная собака и, оскалив пасть, бросилась на нарушителей спокойствия. Она лаяла и хотела ухватить Масара за ногу. Но жрец склонился перед ней и что-то быстро произнёс на незнакомом языке. Собака замолчала и скрылась в темноте. Долго не было никакого ответа, но после нескольких настойчивых ударов, за дверью раздалось сонное ворчание.

– Иду, иду. Кого ещё дьявол принёс в такую рань. Все порядочные люди спят ещё.

Дверь громыхнула засовом, и отворилось маленькое окошко. В него осторожно выглянула недовольная заспанная физиономия, а хриплый голос спросил: «Чего надо?»

– Нам нужен кров, хозяин, мы уже сутки в пути. А это вам за беспокойство, – Масар сунул в окошко мелкую серебряную монету.

Хозяин немедленно схватил её и принялся разглядывать при свете фонаря, затем он попробовал её на зуб и удовлетворённо кивнул. Окошко захлопнулось, и заскрипел дверной запор. Отворив дверь, хозяин жестом пригласил гостей внутрь. Серебро смягчило его раздражение, да и гости не выглядели бедняками.

– Мы всегда рады гостям, проходите, располагайтесь. Меня зовут Нурий Крам.

– Дайте нам самую чистую комнату, хозяин, и принесите воды для умывания.

– У меня сейчас свободно несколько комнат, можете поселиться отдельно.

– Благодарим, мы прекрасно устроимся в одной.

– Не желаете ли позавтракать, у меня отличная кухарка, и вина можно подать из моих личных запасов, – осведомился хозяин заведения.

– Нет, уважаемый, благодарим, мы очень устали и хотели бы отдохнуть.

– Как хотите, – разочаровано протянул Нурий. – Прошу, следуйте за мной.

Они поднялись наверх, где располагались комнаты для гостей. Их комната оказалась сравнительно чистым помещением с окном на улицу. Широкая кровать, стол с двумя стульями, комод в углу и медный умывальник над широким тазом, вот и вся меблировка. Но кровать была застелена чистым бельём и рядом с умывальником чистое льняное полотенце. На окне висели короткие зелёные шторы. Рядом с тазом уже стояло большое деревянное ведро с водой, и в нём плавал ковш.

– Располагайтесь господа, здесь вас никто не посмеет побеспокоить, – заверил постоялец хозяин. – Но позвольте узнать, как мне записать вас в книге проезжающих? Это не моя прихоть, это требование властей.

– Торговые посредники Даруг и Масар со слугой. Прибыли из Саронга, – ответил Масар и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Нурий понял это и удалился из комнаты. Пока они разговаривали с хозяином таверны, Таракан притулился у комода среди сумок и мешков. Теперь он крепко спал сном праведника, подложив под голову свой заплечный мешок. Намаялся мальчишка в дороге, не спал всю ночь, но не проронил ни одной жалобы. Теперь у него начиналась другая, новая жизнь. И даже если начиналась она с трудностей и загадок, всё равно это было лучше, чем терпеть бесконечные оскорбления и пинки на чёрном пиратском корабле. А новые господа его ещё ни разу не ударили и даже дали нести самые лёгкие вещи. Пока грех на них обижаться. А если он заслужит их доверие и благосклонность, они будут учить его. Грамотному человеку легче жить в этом мире. Всегда можно найти себе применение. Мир так велик и разнообразен, многое ещё предстоит повидать и многое пройти. Мальчик спал и во сне рассуждал по-детски о превратностях судьбы.

– Просыпайся Таракан, – настойчиво, но не грубо тормошил его кто-то. – Ты и так спишь больше положенного. Вставай.

Не привыкший, чтобы его упрасивали, мальчишка вскочил и проснулся почти мгновенно. Прошлая жизнь приучила всегда быть готовым к опасности и выполнению любого приказа.

– Да, господин Масар, я уже не сплю, – ещё сонным голосом протянул мальчуган, кулаками протирая глаза. В комнате они были вдвоём, господин Даруг уже ушёл куда-то.

– Молодец, ты крепко усвоил первый урок. Теперь мыться, это будет твоей второй обязанностью: умываться перед сном и после него.

– Вот так новость! Умываться, какая глупость, тратить драгоценную пресную воду на такое бесполезное занятие, – подумал про себя Таракан, рассуждая по-пиратски. Но вслух возражать не осмелился.

– Тебя нужно хорошенько отмыть. Ты оскорбляешь обоняние своих господ неприличным зловонием грязного тела и нечистого дыхания. Раздевайся, снимай с себя всё.

– Что за прихоть? С ума он что ли сошёл? – опять про себя возмутился слуга, но приказ выполнил.

– Садись в таз и закрой глаза.

Мальчик сбросил с себя одежду, сел в таз и закрыл глаза. Ничего не поделаешь, нужно выполнять приказы, какими бы глупыми они ни казались. Он уже приготовился к тому, что его сейчас окатят холодной водой, как делали это пираты на чёрном корабле. Но к своему немалому удивлению почувствовал, как тёплая струя полилась ему на голову. Затем Масар потёр его голову чем-то твёрдым. Взял его ладони и ими же начал растирать мальчику волосы. Под пальцами тут же начала образовываться пена. Какое необычное ощущение. Просто волшебство какое-то. Наверное, ему и приказано было закрыть глаза, чтобы он не увидел, как делается это волшебство. Ещё на корабле он понял, что его новые господа не простые люди, многое в них казалось странным. А теперь понятно стало – они волшебники. Сначала запросто уговорили Рейгонара отдать его им, потом как кошки видели в темноте, а теперь эта пена на голове.

– Теперь делай это сам, – приказал Масар. – Взбей хорошенько пену на голове, этой пеной вымой лицо и всё тело, да хорошенько мойся, везде, – а сам принялся тереть его спину чем-то вроде палубной щётки, только намного мягче.

– А что если приоткрыть глаз и подсмотреть на это чудесное волшебство, – подумал Таракан. Приоткрыл один глаз, увидел обычную белую пену, как на гребнях волн и тут же получил наказание. Что-то больно укусило его прямо в глаз. Он быстро зажмурился, но жжение не проходило. Было больно, но он терпел, только засопел громче от боли и досады.

– Я же говорил, не открывай глаза, – угадав его проступок, произнёс из-за спины господин Масар.

– Я нечаянно, господин Масар, – промямлил растерянно мальчик, а про себя подумал. – Он ещё и провидец.

Когда умывание было закончено и разрешено было открыть глаза, Масар набросил на голову мальчика полотенце и приказал: «Выходи и вытирайся». В тазу после него осталась мутная грязная вода, покрытая серой мерзкой пеной.

– Как же так, ведь пена была белой? – удивился про себя Таракан. – Волшебство!

– Вот тебе кисточка и порошок для чистки зубов. Зубы ты теперь тоже будешь чистить два раза в сутки. Здоровые, чистые зубы – это залог твоего здоровья. Нам нужен здоровый и опрятный слуга. Я научу тебя чистить зубы, но повторять не буду. Запоминай всё сразу.

– Ну, это уж полная дурость – чистить зубы! Они же во рту, они же не могут испачкаться! – с возмущением подумал мальчик, но снова промолчал.

Обучение чистке зубов оказалось сущим наказанием, но хороший слуга должен стойко переносить все прихоти хозяев, и он терпел. Терпел и учился. Теперь он твёрдо решил вытерпеть всё, чтобы они взяли его в ученики. Может быть, и он когда-нибудь станет волшебником.

– А теперь посмотри, что из тебя получилось, – Масар протянул ему плоский прямоугольный предмет.

– Я знаю, это зеркало, я видел такое в каюте капитана, – наконец-то развязал язык слуга. – Только там оно было больше и круглое. Очень дорогая и редкая штука.

– Правильно, но ты взгляни на себя.

– Кто это? Неужели это я?! – на него смотрел приятный розовощёкий мальчик. Из-под веера густых чёрных ресниц блестели удивлённые голубые глаза. Лицо обрамляли ещё влажные волны каштановых волос, а во рту сверкали жемчужины зубов.

– Вот видишь, как меняет человека чистота. Теперь от тебя не несёт псиной, и разговаривать с тобой можно не зажимая нос.

– Да, господин Масар.

– Сейчас ты переоденешься в новую одежду, и мы пойдём обедать.

Таракан оглядел комнату, но нигде не увидел своей новой одежды. Удивился и хотел спросить об этом Масара, как в комнату вошёл Даруг.

– О! Вот это совсем другое дело! – весело сказал Даруг и протянул мальчику свёрток. – Одевайся.

В свёртке оказалась кожаная курточка, шерстяные синие штаны, серая холщёвая рубашка, короткие сапожки из мягкой кожи и ярко-красная вязаная шапочка с меховой оторочкой. Мальчик смотрел на эти великолепные вещи как зачарованный. Никто и никогда в жизни не делал ему таких прекрасных подарков. Он с восторгом надевал новую одежду и начинал чувствовать себя другим человеком. Одевшись и оглядев себя, он благодарно взглянул в глаза своих щедрых хозяев. Слов благодарности он произнести не мог, слёзы радости готовы были брызнуть у него из глаз. Роднее этих людей сейчас у него не было никого. Ради них он был готов расшибиться в лепёшку, но выполнить любое их поручение. Какое счастье быть слугой таких благородных и щедрых господ!

– Теперь обедать, – сказал Даруг и, обратившись к слуге, приказал. – А ты собери свою старую одежду и отнеси её прачке, она стирает во дворе. Эти лохмотья ещё пригодятся нам. Затем иди в обеденный зал, мы будем там.

Когда Таракан вошёл в обеденный зал таверны, запах пищи чуть не свалил его в обморок. Только теперь он вспомнил, что не ел со вчерашнего вечера. В животе предательски забурчал пустой желудок, а рот наполнился слюной. Он судорожно сглотнул и обвёл зал взглядом. В углу был накрыт маленький стол, два стула занимали его хозяева. Но между ними пустовал третий стул. Больше в зале никого не было, и все остальные столы были пусты.

– Неужели они посадят меня за свой стол? Где же это видано, чтобы слуга ел вместе с господами за одним столом? – подумал мальчик.

– Эй, Таракан, ну что ты там застыл, твой суп остынет, некогда нам тебя дожидаться, – донеслось из угла.

Ждать его не пришлось, он мигом очутился на свободном стуле и жадно припал губами к краю миски. Но не успел он сделать и двух глотков, как Даруг недовольно оторвал его от еды и нравоучительно проговорил: «Ты не животное, ты человек и питаться должен по-человечески. Вот ложка, ты должен научиться есть ложкой, как делаем это мы».

– Да умею я, только через край быстрее и удобнее, – недовольно подумал Таракан, но покорно взял медную ложку и стал хлебать суп ею.

– И не торопись так, никто у тебя не отбирает еду. Научись есть степенно, ощущая вкус пищи, а не просто набивать желудок. Отвыкай от своих привычек. Не чавкай как поросёнок, это не прилично и неприятно окружающим. Ты слуга двух образованных и благородных особ. Ты должен брать с нас пример и учиться правильному поведению в обществе. Понял?

– Да, господин Даруг, я понял.

Ужасно хотелось есть. Чечевичная похлёбка с куриными потрохами и мягкий хлеб так и просились внутрь, но приходилось выполнять наставления хозяев. Не всё получилось с первого раза, но он старался. После сытного обеда поднялись в комнату.

– Мы сейчас уйдём по делам, а ты останешься здесь сторожить наши вещи. Закрой за нами дверь и никого не впускай сюда. Если кто-то попытается украсть наши вещи, ты должен будешь защищать их любой ценой. Вооружись своим луком и кинжалом. И не вздумай проявлять ненужное любопытство. Тот, кто заглянет в наши мешки, умрёт в страшных мучениях. Дверь откроешь только нам и никуда не отлучайся, даже если тебе очень понадобится выйти. Вот в углу есть помойное ведро, пользуйся им. Ты всё понял?

– Да господин, Даруг, я понял.

Казалось бы, простое поручение оказалось сущей пыткой для семилетнего ребёнка. В сытом, чистом теле разливалась приятная нега. Стоило только присесть, как глаза закрывались сами собой, голова клонилась на грудь, а руки безвольно свисали. Таракан неимоверными уси-

лиями боролся с липкими объятиями сна. Садиться было нельзя, и он принялся расхаживать по комнате. Выглядывал в окно и внимательно разглядывал улицу, дома напротив, прохожих. Плескал себе в лицо водой из умывальника. Но стоя в очередной раз у окна, не заметил, как ноги его подкосились, и он плавно сполз на пол.

Лица её он не мог различить, приятное свечение исходило от неё и затмевало черты лица и тела. Женщина сидела на тех самых мешках, которые он охранял. Но не было у него беспокойства за доверенное имущество хозяев. Она излучала добро. Она ласково разговаривала с ним о чём-то, но он никак не мог понять, на каком языке она говорит. Да это и не важно. Голос её был так приятен, что и без слов можно было слушать его как музыку. Никто в жизни не говорил с ним таким завораживающим голосом. Так могла разговаривать с ним только одна женщина на свете – его мама. А это была именно она. Его мама, которую он никогда не видел, но которую любил всегда и сильнее всех. Он хотел сказать ей об этом, о том, как скучает без неё, как тяжело ему было. Хотел поделиться с ней событиями последнего дня, но не мог. Слова не получались, рот раскрывался беззвучно и он, точно рыба, не мог издать ни звука. Он только смотрел на это волшебное сияние и сердце его ликовало. Но вдруг какая-то тень стала наползать на это сияние и страшная волосатая рука капитана Рейгонара потянулась к маме. Рука тянулась прямо из тени, удлинялась и росла. Вот сейчас он схватит её своей безжалостной пятернёй и померкнет чудесный свет. Сердце мальчугана замерло в ужасе. Неужели опять он встал на его пути, неужели опять этот злодей будет мучить его и разлучит с мамой? Нет, он этого больше не допустит. Лучше смерть, чем вновь терпеть его унижения и побои. Пусть лучше он убьёт меня, чем видеть это. Лучше умереть в бою как мужчина, чем быть безропотной скотиной. Его маленькое тело напряглось, и невидимая пружина выбросила его вперёд. На лету он выхватил свой кривой кинжал и со всей силой, умноженной ненавистью, вонзил его в огромную вражескую ладонь. От удара в лицо свет померк и всё вокруг затихло. Он успел подумать, что Рейгонар убил его.

Когда он открыл глаза, то увидел прямо перед носом доски пола и маленькую кровавую лужицу. Он лежал лицом вниз посреди комнаты, а правая рука его сжимала рукоять кинжала, вонзённого в пол на треть длины клинка. Таракан выпустил рукоять, поднялся, присев на колени и приходя в себя. «Так это был только сон» – понял мальчик – «Я разбил себе нос, когда упал. Хорошо что Рейгонар не убил меня, а это был всего лишь сон» – подумал он. Но огорчало то, что исчезло мамино сияние. А потом ему стало стыдно, что он уснул на посту.

Спать уже не хотелось. Он смыл кровь с лица, вытер кровавую лужицу с пола и долго сопел, выдирая кинжал из половицы.

А мальчишка-то наш не так прост, – обратился Масар к своему спутнику. – В нём таятся недюжинные способности. А душа его хоть и озлоблена, но не развращена. Из этой чистой глины можно слепить великое произведение.

– Согласен, друг мой, – ответил Даруг, шагая по базару. – В нём дремлет интеллект мудреца и отвага великого воина.

– Мы не напрасно выкупили его, лучшего помощника нам не найти, и ученик, я думаю, он будет прилежный.

– Пролагаю, об этом ещё рано говорить, он слишком дик, чтобы понять азы ученичества.

– Согласен. Этот драгоценный камень ещё не очищен от грубой горной породы. Время его шлифовки ещё не пришло.

И побежали дни новой жизни, каждый день приносил новые открытия. Жизнь оказалась намного прекрасней и многогранней, чем на чёрном корабле, даже несмотря на все её трудности и несправедливости. Жрецы путешествовали по городам, а маленький слуга исправно выполнял все их поручения и по мере сил прислуживал хозяевам.

В столице островных аглов Турсете остановились на несколько дней. Даруг и Масар часто встречались с местными торговцами и вели переговоры с заезжими купцами. Таракан посто-

янно носился по городу со всякими поручениями. В столице жрецы купили у торговцев из страны Бирке трёх породистых скакунов. В Солнечных Горах предпочитали передвигаться на мулах и перевозить товары на буйволах. Лошадей там не разводили. Но жрецы знали, что транспорта быстрее лошади люди восточного континента ещё не изобрели. А восточные скакуны считались самыми резвыми. Жрецам необходимо было иметь быстрое средство передвижения, чтобы в срок выполнить свою миссию. К тому же путешествовать по здешним землям было небезопасно. Разбойники легко могли напасть на двух пеших торговцев с одним-единственным слугой. И чтобы не казаться какими-то особенными, жрецам пришлось вооружиться. А где как не на этих островах приобрести хорошее оружие. Островные аглы издревле славились своими железных дел мастерами и оружейниками. На каждом острове строго хранились родовые секреты мастерства. Из поколения в поколение переходили тонкости стального ремесла. И каждый оружейник считал себя обязанным пополнить своим изобретением хранилище семейных тайн. На одних островах делали только мечи небывалой прочности, на других изготавливали удивительно лёгкие и прочные доспехи. Кинжалы и наконечники для стрел да копий производили на третьих. А были и острова, где собирали хитроумные метательные орудия и грозные осадные машины. Но бойкая торговля со всеми соседями велась и стальными предметами мирной жизни. В последнее время воевали мало, а мирное строительство требовало много гвоздей, скоб, дверных петель, замков, да мало ли ещё чего может понадобиться в хозяйстве.

Даруг и Масар посетили лучших мастеров на разных островах, чтобы купить лучшее оружие, лёгкие, прочнейшие кольчуги и шлемы без украшений, чтобы незаметно их было под капюшоном плаща. Дорого они заплатили за них, но в других странах это стоит намного дороже. В случае нужды можно и продать, выручив немалую прибыль. Пришлось Таракану учиться верховой езде. Это трудное дело давалось ему нелегко. Лошадей он увидел лишь здесь, и поначалу приходилось привязывать его к седлу, чтобы не свалился. Тряска выбивала из него душу, он до крови натирал внутренние поверхности бёдер, до боли набивал себе задницу, но стойко терпел. Жаловаться он не мог себе позволить, а терпеть боль уже давно привык. Но и его новые хозяева не оставались равнодушными к его страданиям. Они мазали его болячки чудодейственным бальзамом и на коротких стоянках всё заживало.

Из Турсета с торговым караваном морем они отправились в залив Трёх Столиц. Назывался он так потому, что на берегах его стояли столицы трёх государств: Саронга на севере со столицей Кхакх, Гали со столицей Гали на востоке и на юге лежал город Лирга – столица Мрании.

В самом заливе караван разделился на три части. Каждая часть отправилась к одной из столиц. Даруг направился в Кхакх, а Масар с Тараканом в Лиргу. Встретиться условились в Гали через месяц. Местом встречи назначили гостиницу «Белый аист». Все зажиточные купцы останавливались там, когда прибывали в Гали. Об этом им сообщили попутчики на пути из Турсета в залив. Близкое расположение сразу четырёх столиц различных государств давало возможность жрецам получить информацию о четырёх правящих семьях в кратчайший срок. На островах ничего выяснить не удалось, но если и здесь не проявится нужная информация, то придётся долго странствовать по другим отдалённым столицам.

В Лирге Таракан так же выполнял разные поручения господина и прислуживал ему в гостинице. «Мантия Короля» была одной из лучших гостиниц города. В номере Масара даже была своя купель и отдельная комнатка для слуги. Таракан слышал, что богатые люди не купаются в море или в реке, а принимают ванны у себя дома, но увидел это чудо впервые. Это было похоже на огромное деревянное корыто. Только выполнено оно было из ценной оранжевой древесины барийских пальм и щедро украшено затейливой резьбой. Изнутри купель выстилалась белым полотном. Две керамические трубы с медными кранами выходили прямо из стены ванной комнаты, из них текла горячая и холодная вода. В днище купели имелось отверстие с

пробкой. Мальчик понял, что туда должна была уходить вода. Но вот куда она сливалась? Ведь внизу тоже жили люди. Неужели вода текла им на головы?

Много ещё разных удивительных вещей увидел бывший юнга в этом великолепном огромном городе. Такого он ещё никогда не видел. Толпы прохожих, красивые конные экипажи знатных горожан, дома в несколько этажей украшены причудливым каменным кружевом, а шпили многих из них сверкали позолотой. Почти все улицы вымощены камнем, а главные площади выложены отполированными мраморными плитами. А уж великолепие внутреннего убранства дворцов, где он побывал вместе с господином, не поддавалось описанию. Душа мальчика пела от восторга и впечатления переполняли его, но внешне он старался этого не показывать, как учил его Масар. А господин Масар оказался терпеливым и талантливым учителем. Ещё в Турсете он начал обучать слугу чтению. Мальчишка был смыслённый, а мозг его как огромная книжная полка без книг. К тому же Таркан уже умел говорить на нескольких языках. И теперь, в Лирге, он уже легко читал вывески на лавках и мастерских, пробовал читать мелкий текст указов и объявлений на стене рыночной площади. Способный ученик успешно осваивал манеры поведения в обществе и основы шпионского мастерства. Слуга жрецов Солнца должен всё замечать, всё слышать, о многом догадываться, делая выводы, а сам должен быть незаметным. Никто не должен заподозрить, что мальчик не просто служит двум благородным господам, а помогает выполнению великой миссии. Впрочем, о цели этой миссии он и сам не догадывался. Он просто усердно выполнял все поручения и жадно впитывал знания. Ему даже начало казаться, что жрецы его уже взяли в ученики, но ему об этом не говорят. Однажды он не выдержал и задал вопрос господину Масару. Но перед этим произошёл удивительный случай.

Масар вернулся вечером в гостиницу и заказал ужин. Через несколько минут посыльный постучал в номер и доложил, что ужин готов. Доставить ли его в номер или господин спустится в обеденный зал? Масар решил ужинать внизу. Он спустился в зал и уселся за указанный столик в одиночестве. Слуги питались отдельно в соседнем помещении. Таракан уселся за стол напротив проёма двери и мог свободно наблюдать за своим господином. Так он мог в любую секунду увидеть знак и броситься выполнять приказание.

В обеденном зале было шумно. Многие гости предпочитали ужинать, не прячась по номерам. Дневные хлопоты позади и богатые постояльцы отдыхали от забот за пышными столами, уставленными яствами и напитками. Вина и крепкие напитки возбуждали аппетит и горячили кровь. На столе Масара не было ни одной бутылки или кувшина, только бокал виноградного сока. К его столу подошёл прислужник и поставил на стол небольшую керамическую бутылку с печатью одного из знаменитейших винодельческих хозяйств Мрании: «Это подарок от благородных господ за тем столом». Прислужник указал на нужный стол и с поклоном удалился. Масар взглянул на указанных господ и узнал в них соседей по этажу. Они уже были на веселе и дружно подняли свои бокалы, приветствуя его. Он слегка улыбнулся, приложил руку к сердцу и лёгким поклоном поблагодарил за подарок. Поднял бокал с соком и пригубил из него.

За соседним столом произошло замешательство. Сотрапезники, сначала молча, смотрели на странного одиночку, а затем начали возбуждённо обсуждать его поступок. Через несколько минут спора от их стола отделились два человека и направились к его столу.

– Позвольте представиться, уважаемый. Я барон Вилья де Кампа, а это мой друг Жо де Фаро. Мы кажется ваши соседи? Не правда ли?

– Да господа, мы соседи по этажу. Меня зовут Масар. Я благодарю вас за подарок и рад знакомству с вами.

– Но вы даже не попробовали этого вина, а меж тем вам следовало бы выпить вместе с нами, – с ухмылкой заметил друг барона.

– Я уверен, господа, что это был благородный порыв с вашей стороны и ценю бескорыстие, но я не пью вина без повода.

– А разве не повод выпить за знакомство с благородными людьми? Или вы не считаете нас достойными вашего общества? – полушутя спросил барон.

– Несомненно, господа, ваша внешность и дорогое оружие свидетельствуют о вашем благородном происхождении, и этот дорогой благородный нектар говорит о том же. Но если пить с каждым, в чьих жилах течёт благородная кровь, можно потерять разум, – спокойно ответил Масар.

– С каждым?! – взвился барон. – Я не каждый, я барон Вилья де Кампа, моя фамилия известна всем в южных провинциях, да и в столице я не последний дворянин. Меня принимают при королевском дворе!

– К чему повторяться, я уже запомнил ваше имя, уважаемый барон. Но я не привык изменять своим привычкам. Я не хочу сейчас пить вина. Прошу вас, не настаивайте на этом. Возможно, я попробую его в другой, более подходящей обстановке.

– По-моему, он насмехается над нами, барон, – громко произнёс Жо.

– Мне тоже так показалось, друг мой. Сначала повод ему не понравился для выпивки, а теперь и обстановка не подходящая, – согласился с ним барон и, обращаясь к Масару, продолжил. – Мне кажется, что вы хотите нас оскорбить. А барон Вилья де Кампа никогда и никому не прощает оскорблений.

– Господа, я не имел намерений ни кого оскорблять, у вас сложилось дурное мнение обо мне, но оно ложно. Я очень устал сегодня, много дел, я хотел просто поужинать и пойти отдыхать. Прошу вас, не нужно ссоры, – миролюбиво, но твёрдо ответил жрец.

– Нет, он точно над нами издевается! – подначивал Жо де Фаро.

– Послушай, иноземец, либо ты извинишься и выпьешь с нами, либо я проучу тебя за грубость, – насупился барон.

– Я не буду извиняться перед вами, барон. Я не сделал ничего предосудительного. Это вы, похоже, решили позабавиться от скуки, – уже более серьёзно ответил Масар, понимая, что уговоры не действуют.

– Ах, так! Тогда дуэль! – злорадно засмеялся барон. – Я сам проткну тебя как свинью вертелом!

– Ну, что ж, я не могу уклониться от поединка, мне нужно побыть в этом городе ещё несколько дней, поэтому до утра я никуда не сбегу, будьте уверены.

– До утра?! Немедленно!

– Вы сейчас не в лучшей форме, может быть лучше завтра, когда вы протрезвитесь?

– С тебя и этой формы хватит. Рука барона Вилья де Кампа крепка в любом состоянии. Или ты трусил?

– Извольте, я готов, – поднимаясь, принял вызов Масар.

Таракан наблюдал эту сцену из-за своего стола и без слов понял, в чём дело. Когда Масар последовал в сопровождении четверых подвыпивших человек к выходу, он бросился за ним. Господин заметил его и дал знак: «Не мешай». Мальчик следовал за ними в нескольких шагах, но никто не обратил на него внимания. В коридоре на стенах висели масляные фонари. Друзья барона сняли по одному. Во дворе уже было темно, но три фонаря достаточно освещали будущее место поединка. Таракан спрятался за пустыми бочками. Здесь в темноте его никто не увидит, а он сможет видеть весь двор.

Дуэлянты молча вышли на середину двора и встали лицом к лицу. За спиной барона выстроились в ряд его друзья. Их фонари светили прямо в лицо Масара, но он не выказывал признаков беспокойства, а лишь огляделся по сторонам. Вилья де Кампа отступил на пару шагов назад и произнёс: «Итак, я даю тебе последнюю возможность избежать наказания. Извинись и я отпущу тебя».

– Мне не за что извиняться, барон, и перестаньте, наконец, тыкать. Ведите себя как положено дворянину.

– Отлично! А вы смелый человек, иноземец Масар, хоть и глупый. Защищайтесь, я имею честь напасть на вас! – барон выхватил из ножен свой узкий меч и принял боевую стойку.

Масар не сделал никаких движений.

– Ну же, выньте ваш меч и сражайтесь! – крикнул ему барон.

– Я не считаю нужным мारать оружие кровью в этом глупом поединке.

– Возьмите в руки ваш меч, или я убью вас безоружного, хоть это мне и противно! – начиная терять терпение, закричал де Кампа.

– Извольте, – Масар отошёл на несколько метров и где-то в темноте поднял с земли палку. – Вот и в моей руке оружие, – вернувшись на место, ответил он.

– Он собирается отлупить меня палкой, как последнего бродягу, – обратился к своим друзьям барон, смеясь и, оборотившись к противнику, добавил. – Вот сейчас вы оскорбили меня ещё сильнее. Выходить на бой против меня с палкой – это жесткое оскорбление дворянину и смертный приговор себе.

Барон сделал быстрый выпад, намереваясь проколоть грудь противника остриём меча. Но меч, незаметно изменил траекторию движения и пронзил пустоту, отведённый в сторону палкой. Он даже не понял, как это произошло. Его противник стоял всё в той же позе и не думал отступать. Решив, что это случайность, нападавший мгновенно нанёс режущий удар в шею. И опять меч только скользнул по палке, сняв с неё стружку. Противник остался невредим. Тогда барон с силой рубанул сверху вниз. Таракан, сидя за бочками, зажмурил глаза. Ему не хотелось смотреть, как погибнет сейчас его господин. Он уже видел и знал, что может натворить такой косой удар. В свои немногие годы он насмотрелся на смертельные схватки, видел смерть не раз и начал уже разбираться в бойцах. А то, что барон Вилья был умелым бойцом, он понял ещё до этого смертельного удара. Но не было, ни крика, ни звука разрушаемой плоти, ни даже треска палки. Когда он открыл глаза, то с великой радостью увидел невредимого Масара и, замеревшего в изумлении, барона. Замешательство длилось недолго. Через секунду де Кампа стал наносить яростные и молниеносные удары, каждый из которых должен был быть смертельным для человека с палкой. Но каким-то чудом ни один из ударов не достигал цели. Смертоносное лезвие меча каждый раз рассекало воздух со свистом всего в нескольких сантиметрах от жертвы. Иногда в воздухе крутилась стружка от палки. Тайный наблюдатель за бочками и три человека с фонарям заворожено следили за необычным поединком.

Один из лучших фехтовальщиков Мрании, барон Вилья де Кампа, не знавший поражений на дуэлях и в боевых сражениях, не может справиться с каким-то иноземным купцом, который словно в насмешку даже не пожелал обнажить свой меч. Такого не мог ожидать никто.

Создавалось впечатление, что Масар просто перемещался в пространстве самым непростижимым образом, уходя от неминуемых ударов. То он просто отступал назад, то внезапно оказывался сбоку от нападавшего, то падал куда-то вниз и вырастал за спиной. Но, похоже, скоро это ему надоело.

– Ну, довольно, ужин стынет, – разомкнул он уста.

Его озверевший от неудач противник потерял самообладание, дико взвыл и с размаху нанёс рубящий удар по косой справа налево. Но и на этот раз его меч просвистел во мраке мимо цели. Барон ещё не успел осознать свой очередной промах, как почувствовал, что в низ его живота что-то уткнулось и зелёные трико, красиво облегавшие крепкие стройные ноги, стали мокрыми. Не было никакой боли, просто опорожнился мочевого пузырь. Не обращая на это внимания, он попытался достать обидчика остриём меча круговым движением снизу. Перед его глазами мелькнул конец палки, и мгновенно всё вокруг погрузилось в непроглядный мрак. Но он не прекратил тщетных попыток поразить врага. Не видя ничего вокруг, он начал стремительно вращать вокруг себя мечом, создавая непреодолимую преграду. Даже стрела не смогла бы поразить его сейчас. Когда темнота рассеялась в его глазах, он увидел прямо перед собой

спокойно стоящего иноземца. На губах того играла лёгкая улыбка, а глаза сияли льдом, из них повеяло ужасом. Смерть смотрела в глаза барона из глубины чёрных зрачков противника.

Впервые в жизни Вилья де Кампа испытал страх. Хмель давно испарился из его мозга. Умирать так не хотелось. Но баронская гордость и дворянская честь не позволили отступить. Преодолевая животный ужас, он бросился в последнюю атаку. Казалось, вот сейчас эта ничтожная палка пронзит его бешеное сердце и всё закончится. Мысль работала лихорадочно и мгновенно. Он даже успел прочувствовать этот роковой удар и приготовился к боли, когда палка пронзит его грудь. Но удар пришёлся совсем не туда, где он его ожидал. Тупое прикосновение почти без боли пришлось в промежность сзади. И тут же раздался характерный звук рвущейся ткани, а следом за ним, распространяя зловоние, содержимое кишечника наполнило трико, стекая в ботфорты.

Ноги сами по себе подогнулись, и он осел на колени. Рука ещё сжимала рукоять меча, но силы уже покинули тело, да и желания встать не было. Хотелось просто завалиться на бок и забыться.

Трое человек с фонарями, ошарашенные открывшимся зрелищем, стояли как вкопанные, разинув рты. Наблюдатель за бочками, в немом восторге взирал на господина. Иноземный купец отсалютовал палкой поверженному противнику, стоя у него за спиной. Затем отбросил палку в темноту и неспеша направился к двери. За его спиной вышли из оцепенения трое свидетелей позора их друга. Три руки легли на рукояти мечей и потянули их из ножен.

– Не делайте глупостей, господа, – холодно произнёс, не оборачиваясь, Масар, угадав их порыв, будто имел глаза на затылке, – и никто не узнает об этом досадном инциденте.

Удивительно, но этот голос остудил горячие головы, мечи так и остались в ножнах. Посреди двора на коленях стоял человек в мокрых, грязных трико, распространяя вокруг себя вонь выгребной ямы, а верхняя часть лица его стремительно заплывала фиолетовой опухолью с кровавым подтёком на переносице. Иноземец, заметив в темноте своего слугу, сделал ему знак, и тот бросился открывать перед ним дверь.

Вернувшись за свой стол, Масар спокойно закончил ужин и поднялся в номер, а стол, где недавно развлекалась весёлая компания, остался пустовать.

В номере жрец приказал слуге наполнить купель. Таракан бросился выполнять приказание. Его так и разрывало любопытство, буря восторгов готова была вырваться из него. Но он уже усвоил правила поведения исправного слуги и не позволял себе давать волю эмоциям.

Масар принял ванну и переоделся в чистое бельё, приготовленное слугой. Выходя из ванной комнаты, он велел мальчику тоже искупаться. Это переполнило чашу терпения, и Таракан разразился восторженной тирадой.

– Спасибо, господин Масар! Вы так добры ко мне и великодушны к врагам. Вы так великолепно сражались, но позвольте задать один вопрос.

– Задавай, мальчик, возможно, я дам тебе ответ.

– Почему при вашем несравненном боевом мастерстве вы не убили этого человека, ведь он оскорбил вас?

– Знаешь, Таракан, человеческая жизнь, самое драгоценное, что есть на этом свете. Нужна очень серьёзная причина, чтобы прервать её. Убивать людей, не имея такой причины – величайший грех. Но в этом мире люди часто убивают друг друга, не имея на то ни малейшего права, а порой и никакой пользы. Этим убийца навлекает на себя неотвратимое и ужасное наказание. И даже если оно не постигнет его при жизни, на том свете он обязательно расплатится за это. Суд будет неумолим, а наказание жестоко, невзирая на ранги и бывшие заслуги. Можно убить врага, защищая свою жизнь, жизнь беззащитных невинных людей, отстаивая свои идеалы. Но только врага. А этот человек не является моим врагом, он просто глупый невежа, к тому же одурманен вином. Он не заслуживает смерти, его просто нужно было наказывать.

– Но ведь он хотел убить вас, значит, вы имели право убить его, защищая свою жизнь!

– Хотеть и мочь – разные вещи. Смерть от его руки мне не грозила, и права убивать его я не имел. И ты запомни навсегда; убийство – есть исключительная мера, когда все другие средства исчерпаны. Тебе сейчас это трудно понять до конца, но ты просто запомни, а мудрость и опыт придут. С годами ты научишься находить грань, за которой не действуют никакие меры кроме смерти. Однажды ты уже совершил убийство, добив раненого. И наказание за это обязательно постигнет тебя. Единственно, что тебя хоть как-то оправдывает – это твоя детская глупость и то, что ты оказался среди отъявленных мерзавцев не зная другой жизни. Не было у тебя наставника, который бы открыл тебе глаза.

– Значит теперь вы мой наставник? – удивлённо глядя жрецу в глаза, спросил Таракан.

– Об этом говорить ещё рано. Отправляйся мыться. У меня ещё есть дела.

*

Через несколько дней они погрузились с лошадьми и багажом на корабль, отплывавший в Гали. Ветер не был благоприятным, и короткое путешествие затянулось на шесть дней. Дни этого пути пролетели в непрерывных занятиях языками, географией, основами черчения. Таракан получил и несколько уроков фехтования кривым кинжалом.

Но вот уже из-за горизонта вырастает угрюмая громада каменной цитадели. Затем стал виден большой город, раскинувшийся вокруг неё. А вот и причалы торгового порта. На одном из них застыл всадник на стройном чёрном скакуне, в сером плаще с накинутым на голову капюшоном. Он не махал руками и не показывал лица, но не узнать его было невозможно. Слишком заметен он был среди портовой суеты своей неподвижностью и благородной осанкой.

Даруг уже два дня как прибыл из Кхакха и поселился в "Белом аисте", сняв один из лучших номеров с отдельным входом и видом сразу на море и цитадель. Скромно поприветствовав друг друга на причале, жрецы дали волю своим чувствам в номере гостиницы. Их глаза сияли радостью, они обнялись по-братски. Хотя и не долгой была их разлука, но на чужбине она кажется вдвойне дольше. Весь остаток дня они провели в беседе, запершись в отдельной комнате. Даже ужинать они не спускались вниз, Таракан заказал для них ужин в номер. Никаких других приказаний мальчик не получал и проводил время в праздности, любуясь с балкона городом.

Гали не был таким роскошным как Лирга. Здесь не было архитектурных излишеств. Галийцы предпочитали прочность и защищённость своих домов роскоши и воздушности каменного кружева. И жители одевались под стать своим жилищам. Добротная прочная одежда была почти лишена украшений. Лишь изредка проблёскивали в толпе женские бусы или серьги. Мужчины носили только знаки отличия, от деревянных жетонов простых галийцев до алмазных заколок на плащах знати. Суровость нравов и строгая дисциплина видна была во всём. Строгие крепкие здания, прямые и чистые улицы, порядок на рынках и в лавках торговцев, строгость и предупредительность бдительной городской стражи. Даже в увеселительных заведениях местные жители вели себя скромно, подавая пример приезжим. К иностранцам относились снисходительно, прощая им некоторую развязность. И в тоже время жители отличались исключительным гостеприимством.

Столица Гали расползалась во все стороны от старой цитадели и давно вышла за оборонительную стену вокруг старого города. А над всем этим возвышалась серая громада древнего замка. Стены его поднимались на недостижимую высоту, а центральная башня уносилась почти под облака. Она служила не только оборонительным целям, но и была отличным наблюдательным пунктом и маяком, свет которого виден издали, служа надёжным ориентиром для капитанов кораблей.

Но в городе этом задержаться пришлось ненадолго. Отрывочные сведения жрецы объединили воедино и получили оптимистичный прогноз на будущее. Наконец-то выяснилось, что в семье царя Всеволода, правителя соседнего государства Славия, пополнение. Пять месяцев

назад родилась внучка. Теперь предстояло отправляться в столицу Славии Мураван. Путь туда лежал неблизкий. Государство это раскинулось на Великих Равнинах на многие тысячи километров. От Гали до Муравана, как утверждали купцы, всадник мог доскакать за две недели. Дороги в Славии плохие, места малонаселённые, по причине больших расстояний, но народ миролюбивый и гостеприимный, хотя иногда и пошаливают разбойничьи ватаги, грабя купеческие караваны или богатых путешественников. Но в городах и посёлках опасаться нечего. Местные власти жестоко наказывают воров и разбойников. Если отправляться в путь с большим охраняемым караваном, то можно не опасаться нападения.

В ближайшие дни каравана в Славию не предвиделось, а время дорого. Придётся отправляться втроём верхами. Всё необходимое для дальней дороги закупили быстро, и уже через четыре дня за спинами троих всадников растворялась в дымке вершина замковой башни.

Скакали по пыльным дорогам три всадника. Два молодых мужчины, закутанных в серые дорожные плащи, и мальчик в красной вязаной шапочке. Останавливались только чтобы дать отдых лошадям, сами валились от усталости, но быстро пополняли запасы провизии и фуража. В редких селениях расспрашивали о короткой дороге и вновь уносились в пыльные дали бескрайних Великих Равнин. Весной они высадились на угрюмый островной берег, а теперь уже лето в разгаре. Если там, в Мураване та, которую они ищут, то до глубокой осени можно успеть выполнить миссию и убраться из этой чужой страны до наступления холодов. Хоть, впрочем, на южном побережье Славии зима и не отличалась суровостью, снег выпадал редко, а реки не замерзали вовсе.

Вдруг, сзади послышался топот конских копыт. Откуда взялся десяток наездников на этой пустой равнине, понять было трудно. Видно было у них где-то тайное укрытие: лощина или овражек какой. Они с посвистом нагоняли трёх путешественников. Кто, как не разбойники могли появиться так внезапно, и намерения их не вызвали сомнений. А догоняемые прищипорили своих породистых скакунов и стали медленно, но верно отрываться от погони. Разбойничьи лошадки не отличались прытью, а восточные скакуны гордо уносили своих седоков от опасности. Вскоре впереди открылся крутой спуск к реке. Высокие обрывистые берега имели только один единственный путь к мостику, перекинутому через неширокую реку. А течение в реке быстрое и глубина в этих местах большая. Но до моста добраться им не удалось. На мосту толпилось ещё десяток разбойников с копьями. Теперь стало понятно, почему преследователи не особенно торопились. Как опытные охотники они загнали жертву на номера. Западня! По бокам отвесные стены берегов, сзади уже показалась погоня. Что делать?

Откупиться наверняка не удастся, оберут до нитки. Прорваться с ходу тоже нельзя, десяток копеечников легко остановят трёх всадников на узком мосту. Вступать в бой с двумя десятками вооружённых людей рискованно даже таким умелым бойцам как они. Нельзя рисковать своими жизнями, ведь миссия ещё только началась.

Масар и Даруг приблизились к мосту, зажали между своими конями третьего и взглянули друг другу в глаза.

– Примем бой? – спросил мысленно Масар.

– Рискованно, может пролиться наша кровь, – взглядом ответил Даруг.

– Да, миссия – прежде всего, а пока мы не имеем права рисковать собой. Может попробовать подчинить этих, на мосту?

– Попробовать можно, но хватит ли у нас сил на десятерых человек? – вопросом ответил Даруг.

– А если использовать его? – кивнул Масар на слугу.

– Он совсем не обучен, едва ли у него получится, – выразил сомнение Даруг.

– У него очень мощный потенциал, я проверял. Только нужно правильно объяснить ему.

– Что ж, попробуем. Другого способа избежать боя сейчас мы не можем применить.

Мысленный диалог между жрецами произошёл мгновенно, произнести эти слова было бы намного дольше.

– Таракан, слушай меня внимательно, смотри мне в глаза и делай так, как я скажу, – обратился Масар к слуге.

Мальчик молча кивнул и устремил свой взгляд в бездонные чёрные зрачки господина.

– Ты слышишь только мой голос, – медленно начал Масар, – только люди на мосту занимают всё твоё внимание. Они хотят убить тебя! Ты очень рассердился на них. Закрой глаза и думай только о том, как ты их ненавидишь, даже сильнее, чем Рейгонара! Нет в тебе страха перед ними! Ты сильнее их, они должны подчиниться твоей воле. Думай только о них.

Мальчик застыл в седле как изваяние и не двигался. Жрецы, молча, тронули коней, устремив свои взгляды на разбойников. Медленно, тесной группой они приближались к мосту. А десяток копейщиков замешкался, и вместо того, чтобы оцетиниться копьями, разомкнул строй. Растерянные люди вытянулись вдоль перил мостика, будто почётный караул, пропуская важных персон. Трём всадникам проехать по мосту рядом невозможно, и они перестроились в колонну. Когда последний всадник проехал мимо, разбойники поступили совсем уж невероятно. Они сомкнули строй и оцетинились копьями против конных преследователей, словно защищая ускользавшую жертву. А троица уже пришпорила коней и мчалась прочь. Копейщики на мосту ещё стояли стеной, когда конные разбойники чуть не напоролась на острия их копий. Они же никак не могли ожидать, что их же собратья обратят оружие против своих. Верховые ругали пешеходов на чём свет стоит, а те, молча, стояли непреодолимой преградой пока троица несостоявшихся жертв не скрылась из виду. Вот тогда пешеходы-грабители опомнились. Будто проснувшись, они не могли понять, что происходит, почему их так ругают верховые. А когда сообразили, что по их вине добыча ускользнула, побросали от досады копья и ругали себя последними словами. Разозлённые неудачей преследователи, видя, что опасность им уже не угрожает, а догонять добычу бесполезно, кинулись в драку. Завязалась жестокая рукопашная схватка, в которой каждый вымещал своё зло на другом. Дрались остервенело. Кого-то топтали ногами, кто-то полетел в быструю реку. Самые везучие отделались синяками и выбитыми зубами.

Грабители наказали сами себя. Разбойничья шайка распалась. Многие бросили это гнусное ремесло.

Больше в пути не случилось никаких неприятностей. Таракан всю дорогу думал и гадал, как же это получилось, что они невредимыми ушли от разбойников. Неужели жрецы победили в схватке? Он ведь помнил только то, что ему приказано было закрыть глаза. Открыл он их, когда разбойников и след простыл. Но почему-то ему казалось, что схватки не было. Наверняка его хозяева каким-то чудодейственным способом обманули грабителей. А спросить он не решался, помня, что слуга должен больше слушать, а не спрашивать.

Стольный город Мураван оказался огромным. Сначала вдоль дороги появились первые дома посада, широко раскинувшегося вокруг городских стен. Потом показались и белые зубчатые стены с башнями на капонирах. Город располагался на островах дельты реки Мурава при впадении её в Срединное море. Всю эту дельту и окружала городская стена. Каждый остров внутри стены был отдельной крепостью с дворцами знатных бояр, рынками, мастерскими и домами приближённых к царю дворян. Между островами перекинуты подъёмные мосты. У каждого острова своя пристань со складами. На самом большом острове находился морской порт с множеством портовых построек и служб. А Царский остров имел свой морской причал, к которому вёл отдельный узкий фарватер. С моря к городу вёл единственный фарватер, ограждённый тремя парами островков со сторожевыми башнями-маяками. Ближе к городу фарватер раздваивался. Основной и широкий вёл к порту, а малый – к царскому причалу. На подходе к Царскому острову стояла ещё пара башен-маяков.

Древний город постоянно строился и расширялся. Вся его архитектура – это наложение разных эпох и стилей строительства.

Взять такой город штурмом с суши было невозможно, а с моря его могли атаковать только мелкосидящие лодки, которые могли быть легко уничтожены стрелками с башен и стен. Большим боевым кораблям подойти к городу не удалось бы из-за кольев, поднимаемых на цепях со дна между сторожевыми башнями-маяками. Даже в былые жестокие времена, когда враги Славии совершали набеги на Великие Равнины, этот город видел в своих стенах только пленных врагов, или послов, просивших о мире. Но с тех пор, как славы породнились с остроухими гурами и заключили союзы с Гали и Саронгом, никто уже не отваживался напасть на великую державу. И даже восточные кочевники редко совершали набеги на порубежные земли. Народ уже привык к мирной жизни. Торговля и ремёсла процветали. Успели состариться бывалые воины, получившие свои шрамы в жестоких битвах. Выросло и окрепло поколение, не знавшее ужасов и лишений войн.

И лишь недавнее таинственное знамение будоражило умы столичных жителей. Что могло означать то необычное затмение Солнца? Нет-нет да вспыхивали споры на рынках между жителями города, давно не знавшего войны. Кто-то даже вспоминал о пророчестве старой ведуньи.

Приезжие купцы обычно селились в гостинице на Портовом острове или у знакомых. Некоторые купеческие гильдии имели в городе свои постоянные дворы поближе к складам и лавкам. На одном таком постоялом дворе и остановились два заморских торговых переговорщика со слугой-мальчиком. Этот постоянный двор располагался на небольшом острове между Портовым и Царским. Рядом громоздились склады, лавки, мастерские, а окна выходили на пристань и стены Царского острова. Стены были невысоки, за ними виднелись крыши дворцов и купола храмов. На Царском острове жили только члены царской семьи и их слуги. Никаких торговых или иных коммерческих построек на острове не было. Всё необходимое доставлялось либо по воде, либо через двое ворот. Одни из ворот как раз и выходили на Турьин остров, названный так по имени основавшего здесь первым боярина Тура. На нём находился постоянный двор, где остановились жрецы.

Теперь необходимо убедиться, что внука царя именно Дитя Солнца – цель всей миссии. Нужен благовидный предлог для посещения дома старшего царевича Якова. Определить подлинность можно только при личном контакте, необходимо оказаться совсем рядом с девочкой, увидеть её своими глазами. Несколько дней жрецы как всегда посвятили изучению города. Заодно знакомились с местными торговцами и заезжими купцами. Осторожно, в непринуждённой беседе, выпрашивали о том, как можно законным путём попасть на Царский остров. Купцы там бывали очень редко, так как там не было никаких торговых или ремесленных предприятий. Свои люди закупали всё необходимое и завозили на остров, а простые горожане вообще не допускались стражей на Царский остров вот уже шесть месяцев. События, произошедшие полгода назад, изменили уклад жизни в царских чертогах. На весь город это мало повлияло, а вот обитатели этой закрытой части столицы ощутили значительные перемены в своей жизни. По слухам, просочившимся из дворца, царь Всеволод давно уже был не в себе. На людях почти не показывался, государственными делами практически не занимался. Отлично отлаженная машина государственного управления пока обходилась без него. Сам же государь всё время проводил с царицей или же нянчился с дочерью Якова. После того как его собственная дочь родилась мёртвой, всю свою любовь и нежность он выплеснул на обожаемую внучку. А вся жизнь вокруг него носила печать таинственности и скорби. Но все приближённые надеялись, что по истечении годового траура жизнь вернётся в привычное русло.

После долгих поисков и тяжёлых раздумий, решение было найдено. Лето приближалось к концу. Начался сезон сбора урожая, а когда урожай будет собран, настанет время праздника Плодородия, почитаемый и широко празднуемый всеми жителями Великих Равнин. Правда, праздновали его в разное время: в северных княжествах праздник наступал на месяц позже.

Да и не было определённой даты – как управятся, так и начинают веселиться. Празднование обычно длилось несколько дней, жители ходили в гости к друзьям и дарили друг другу незамысловатые подарки, устраивали игрища и всячески веселились. Приглашать в гости на этот праздник не полагалось. Каждый имел право с подарком нанести визит, а хозяева должны были проявлять особое гостеприимство.

Вот и решено было организовать праздничный визит торговых гостей на Царский остров с преподнесением подарков его обитателям. Велика вероятность, что по случаю траура, гостям будет отказано, но тогда это будет нарушением многовековой традиции народа. Сильны народные традиции, и полагается откладывать в сторону все дела, забывать на время праздников все горести и распри, открывать душу навстречу радости и любви.

Масар и Даруг, беседуя со многими купцами и ремесленниками, уговорили некоторых нанести визит царственным особам, а те, в свою очередь, обещали привлечь к этому событию своих знакомых и братьев по цеху.

У Таракана была теперь особая роль. Ответственное и хитроумное задание выпало ему. Он должен был завести тесные знакомства среди местных мальчишек, а лучше всего сдружиться с детьми обитателей Царского острова. Расчёт был прост: мальчишки такой народ, что пролезут в любую дыру. Их любопытные носы проникают в любую щель, а сами они не привлекают такого пристального внимания стражи, как взрослые горожане или, тем более, иноземцы. Для этого Таракан был освобождён от многих служебных обязанностей и с утра до вечера пропадал где-то, переодевшись в свою старую одежду. Для лучшего взаимопонимания с местной детворой его снабдили несколькими мелкими монетами, чтобы и сам не был голодным, и мог бы при необходимости, заводить новых друзей с помощью нехитрых лакомств. Он быстро освоил местный диалект и уже почти не отличался от городских сорванцов. Но каждый вечер, возвращаясь на постоянный двор, он давал полный отчёт обо всём, что видел, слышал, чем занимался и где побывал. Чертил подробные планы всех мест и зданий, куда удалось проникнуть. Вот для чего учили его языкам, географии и черчению. Ещё он обязан был читать все документы, которые могли попасться ему на глаза, но так, чтобы никто не заподозрил в нём грамотного человека, ибо мальчик, читающий деловые бумаги мог вызвать серьёзное подозрение, а шпионов не любят нигде.

К празднику Плодородия у жрецов был подробный план города, со всеми фортификационными сооружениями. Таракану даже удалось проникнуть на Царский остров и узнать расположение всех построек. Особым достижением маленького шпиона был подробный план усадьбы царевича Якова, в сад которой он с мальчишками лазил воровать персики. Сторожа ловили их, пороли сурово, но отпускали – дети ведь. Однажды вечером, притаившись на вершине забора за густыми зарослями винограда, он видел в садовой беседке женщину, кормившую грудью ребёнка. Ребёнка разглядеть не удалось, а женщина была явно старше царской невестки. Познакомившись с детьми слуг этого дома, Таракан выяснил, что грудным ребёнком является как раз внучка царя Светозара, удивительно подходящее имя ей дали, а грудью её кормит кормилица Меланья. В хорошую погоду девочку всегда прогуливают по вечерам в саду. После кормления с ней гуляет либо мать в сопровождении кормилицы, либо сам царь. Охраняется усадьба не очень строго. Собак спускают только на ночь. У ворот всего двое стражников и два сторожа по очереди обходят территорию в течение суток. Работа была проделана большая. Много сведений добыто и о царских палатах. Теперь главное удостовериться в подлинности девочки, а иначе всё зря и придётся начинать всё сначала в другой столице.

И вот настал долгожданный праздник. С утра весь Мураван загудел как потревоженный улей. Жители проснулись рано и принялись за последние приготовления к празднованию. Пекли пироги, готовили разные угощения для гостей или подарки для хозяев, к которым собирались в гости. Обворожительные ароматы наполняли улицы огромного города внутри городской стены и за её пределами. На рыночной площади Купеческого острова с утра было

пустынно, торговля сегодня не велась, всё необходимое было закуплено вчера. Но когда Солнце вскарабкалось на городскую стену, на площадь стали стекаться люди. Это были представители купеческих товариществ и иноземные купцы, которые заранее договорились начать своё праздничное шествие на Царский остров отсюда. Каждый нёс с собой свёртки, мешки, корзины и прочее. В гости без подарков отправляться не положено, а тем более к обитателям Царского острова. И подарки подбирались под стать хозяевам. Масар и Даруг повернули дело так, что им выпало право преподнести подарок царской внучке. Для девочки была куплена у заморского купца уникальная кукла в драгоценных одеждах и с хитроумным механизмом внутри, который позволял ей самостоятельно двигаться, нежно смеяться и произносить ангельским голосочком несколько незамысловатых фраз. Внешне она выглядела почти живой; нежная и упругая кожа, изумрудные глаза, перламутровые ноготки на тонких пальчиках и изысканная причёска из золотых паутинок. Тончайшая ювелирная и кропотливая работа гениальных мастеров-механиков. Кукла эта могла стоять целого состояния, но никаких денег не жалко для выполнения порученной миссии. Тем более что жрецы оказались не менее талантливыми мастерами и снабдили куклу "живыми" глазами. Всё, что видела кукла, могли увидеть и они. Для такого драгоценного подарка требовалась и подобающая упаковка. Великолепный ларец из гранёного хрусталя с прозрачной крышкой стал её домом.

Колонна торговой делегации в праздничных одеждах представляла феерическое зрелище. Когда она двинулась по улицам города с одного острова на другой, жители забывали про свои дела и замирали в изумлении вдоль стен домов и заборов. Разинув рты, и удивлённо распахнув глаза зеваки, не отрываясь, взирали на невиданное зрелище. Такого пышного шествия ещё никто не устраивал в их городе. Даже посольские делегации выглядели намного скромнее.

Стража Царского острова, конечно же, была заранее оповещена и доложила о предстоящем визите хозяевам. Правители не посмели нарушить великую традицию и принимали гостей за воротами внутри Кремля. Хозяева всех домов Царского острова вышли встречать гостей и были искренне рады представившемуся случаю развеять унылое прозябание. Не было среди встречающих только самого царя Всеволода. Не пожелал он прерывать свой траур, не было ему радости в этом шумном праздновании, удалился он от всех и велел никого не пускать в свои палаты, хотя и не запретил принимать гостей другим обитателям дворца у себя в покоях. Вот и пришлось старшему царевичу Якову принимать у себя самых уважаемых купцов, которые должны были гостевать у самого царя. Так и оказались Даруг и Масар в числе самых уважаемых людей. В доме Якова гостей встречала хозяйка с маленькой дочерью на руках, в окружении нянек и кормилицы. Вручались подарки, звучали весёлые приветствия и поздравления. Жрецы передали свой подарок для дочки царевича с наилучшими пожеланиями и поздравлениями. Но главное, на что были обращены их проницательные взоры – это маленькая девочка, сидящая на руках матери. Всё остальное отошло на второй план и воспринималось как незначительное, недостойное внимания. Внешность девочки совпадала с описанием Архагора. Удивительно чистые детские глаза сияли густым бирюзовым цветом морской волны, а волосы девочки действительно были похожи на лучи Солнца, и вся она излучала неизъяснимую благодать и чистоту. Но, к сожалению, внешность не давала полной уверенности в том, что Светозара и есть дитя Солнца. Более точно это можно было определить, только приблизившись к ребёнку хотя бы на пару шагов. Но сделать это жрецам не удалось. Мать с ребёнком предупредительно держали на некотором расстоянии от шумной толпы гостей, а вскоре она покинула большую гостиную и удалилась в детскую. Гости были приглашены к столу, и началось застольное веселье. До конца этого гуляния жрецам так и не представился удобный случай снова увидеть вблизи цель их миссии.

Несколько раздосадованные они вернулись на постоянный двор, но утешало лишь то, что "видящая" кукла теперь была при девочке, и жрецы могли видеть и слышать происходящее рядом с ней, задействовав недюжинную энергию своего ума. Кукла понравилась всем, а

девочка не желала с ней расставаться ни на минуту. Но как снова приблизиться к девочке? Подходящего повода уже не представится. Ведь не нанесёт же семейство старшего царевича им ответный визит. Решение этого вопроса пришло неожиданно.

Вечером за легким ужином Масар и Даруг шёпотом обсуждали проблему, не прибегнув к мысленному диалогу, как делали это в особых случаях. Таракан прислуживал им за столом и его острый слух с полуслова уловил суть затруднения. Вмешиваться в серьёзные разговоры хозяев он был не приучен, но поразмыслив, осмелился подать голос.

– Простите господа мои, могу ли я задать вопрос? – так же шёпотом спросил слуга.

Жрецы удивлённо переглянулись и нехотя кивнули в знак согласия.

– Вам нужно подобраться к девочке Светозаре как можно ближе и незаметнее? – очень не по-детски серьёзно спросил мальчик.

– Да, это так, – ответил Даруг и задал ответный вопрос. – Зачем ты спрашиваешь об этом?

– Я знаю, как это сделать, – твёрдо заявил слуга.

– Выслушаем, а вдруг... – мысленно согласились его хозяева. – Говори.

– Очень просто. Я могу ближе к вечеру спрятаться под беседкой в саду усадьбы. Когда её вынесут на вечернюю прогулку, обязательно присядут в беседке, и я окажусь совсем рядом с этой девочкой, а когда стемнеет, вылезу оттуда и сбегу из сада. Спрячусь где-нибудь до утра, а когда откроют ворота, вернусь к вам.

– Ты очень плохо поступил, что влез не в своё дело, но тебя спасло только то, что ты не сказал глупость, и что ты искренне желаешь нам помочь, – сурово ответил Даруг. В глазах же Масара светилась искра радости. – Иди, мы выслушали тебя, теперь не мешай нам думать.

– Да, господин Даруг, – и Таракан с поклоном удалился из комнаты.

– А ведь наш мальчуган подал неплохой совет, – молча, высказал взглядом Масар.

– Он ещё совсем не готов к работе с амулетом, – во взгляде Даруга сквозило недоверие.

– Я верю в него, брат мой, этот мальчик уже не раз доказал свои великие потенциальные возможности. Он учится с поразительной быстротой и очень серьёзно относится к выполнению наших заданий. Он не по возрасту умён.

– И всё же я опасаясь довериться ему полностью, – продолжал сомневаться Даруг.

– Но если у него получится, это намного упростит нашу задачу и ускорит дальнейшие события, – уговаривал Масар.

– А если его поймают и амулет попадёт в чужие руки?

– Никто и не догадается, что это такое на самом деле, примут его за простое дорогое украшение, а мальчишку посчитают вором. Мы даже можем заявить о пропаже и потребовать выдачи воришки для примерного наказания. Правда, мы жертвуем хорошим слугой, но имеем возможность вернуть себе амулет.

– Ну, что ж, в принципе, я согласен с твоими доводами, – начал соглашаться Даруг, – но необходимо обсудить детали.

Долго они смотрели молча друг на друга, обсуждая план действий. За столом они засиделись до глубокой ночи.

Утром Таракана подняли с постели намного позже, чем обычно. Жрецы терпеливо ждали, когда он окончит утренний туалет, оденется в свою старую одежду и позавтракает. А мальчик, видя необычное поведение хозяев, догадывался, что сегодня ему поручат очень ответственное дело. Неужели его вчерашнее предложение принято?

– Итак, Таракан, – обратился к слуге Даруг, – мы приняли решение дать тебе очень серьёзное задание. До сего дня ты не разочаровывал нас, надеюсь, и это задание исполнишь с честью. Ты, наверное, уже догадался, о чём пойдёт речь.

– Да, господин Даруг, – ответил серьёзно слуга.

– Ты должен будешь скрытно проникнуть в усадьбу царевича Якова, и сделать всё возможное, чтобы оказаться как можно ближе к его малолетней дочери. Никто не должен тебя

заметить, а тем более поймать. Но это ещё не самое главное. Мы решили доверить тебе нашу тайну.

Масар достал из поясного кошель крупный фиолетовый кристалл размером с куриное яйцо, только плоский, толщиной в палец. Затем он снял с шеи свой солнечный золотой медальон и протянул его и кристалл Даругу. Тот тоже снял свой медальон.

– Эти три вещи соединяются в едином амулете, – учил Даруг. – Смотри, – и он аккуратно вставил золотые диски в щели по торцам кристалла.

Удивительно, но сначала Таракан не заметил никаких углублений в кристалле, и ему показалось, что медальоны просто вошли в него как в масло. Этого не могло быть, так как фиолетовый кристалл выглядел цельным и прочным. Мальчик хоть и удивился, но привычно не показал вида. Даруг протянул амулет ему.

– Попробуй разъединить их, а потом снова вставить так же как сделал это я, – приказал Даруг.

– Ничего не получается, господин Даруг, – ответил Таракан после неудачной попытки.

– Это потому, что ты не сосредоточился на необходимом действии. Забудь про всё, нет ничего вокруг кроме этого амулета, будь полностью уверен в своих возможностях, ты сможешь.

Таракан вспомнил разбойников на мосту и голос жреца, так же говорившего ему. И как бы по волшебству, из головы куда-то улетучились все посторонние мысли. Не было ни удивления, ни страха, ни растерянности. Перед глазами был только кристалл и в нём два солнечных диска. И с полной уверенностью, что кристалл мягкий, мальчик потянул из него медальоны. Беззвучно золото покинуло кристаллические объятия, и амулет распался на три составляющие. Оставаясь в полной уверенности, что всё ему под силу, он уверенно плавно вставил медальоны на место и очнулся. В руках его лежал увесистый амулет с, намертво, вросшими в кристалл золотыми солнечными дисками.

– Теперь слушай внимательно, – наставлял Даруг. – В собранном состоянии амулет не может находиться долго, поэтому собрать его ты должен непосредственно перед приближением к девочке. Главное, ты не должен волноваться, бояться и торопиться. Если всё сделаешь правильно, рядом с ней, внутри кристалла засветится маленькое Солнце. Свет может быть достаточно ярким, поэтому спрячь амулет под одеждой, чтобы он не выдал твоего присутствия. Пока свет не погаснет, не пытайся разъединить амулет на составные части, у тебя это всё равно не получится, но твоя возня выдаст тебя. Ни при каких обстоятельствах амулет не должен попасть в чужие руки. Ты понял всё?

– Да, господин Даруг, я всё понял, – и он слово в слово пересказал всё сказанное жрецом.

– И вот ещё тебе совет: после обеда ничего не ешь, хорошенько оправься перед выполнением задания и немного выпей воды. Там, в саду, тебя ничто постороннее не должно беспокоить, ты должен полностью посвятить себя амулету мысленно и телесно. Покидай сад с осторожностью, не торопись, ибо провалить задание в самом конце – непростительная глупость. Да и за пределами усадьбы постарайся не попадаться на глаза никому. Как проникнуть на Царский остров тебя учить не надо, тебе помогут твои приятели. Но они тоже не должны увидеть у тебя амулет. Как уйти от них незаметно, я думаю, тоже учить тебя не стоит. А теперь потренируйся в обращении с амулетом. Мы покинем тебя, у нас много дел. До утра мы уже не увидимся. Удачи тебе, Таракан!

– Мы верим, что ты не подведёшь нас, – наконец-то вступил в разговор Масар. – Удачи!

Мальчик молча, благодарным взглядом проводил их до двери и подумал: "Да я себе голову разобью о камни, бросившись с крепостной стены, если не оправдаю их доверия!"

Ближе к вечеру ватага мальчишек с визгом и криком пронеслась мимо привратных стражников Царского острова. Трёх из них стража всё-таки успела поймать, и пинками спроводила на противоположную сторону моста. Остальные весело углубились в тесные улочки Кремля. Двое сторожей бросились, было, их догонять, да куда там. Разве поспеешь за этими быстроногими

сорванцами. Опять, небось, полезут в чей-нибудь сад воровать. Ну, вот поймают их тамошние сторожа и всыпят "горяченьких" по мягким местам так, что сесть не смогут. Будут знать! А мальчишки и в самом деле собрались совершить налёт на царский сад. Прознали стервецы, что растёт в царском саду невиданный фрукт, вкуса райского, да вида ужасного, покрытый драконьей чешуёй с колючками, и захотелось испробовать неземного угощения. Хоть и боязно лезть в царский сад, но любопытство сильнее страха. Зато будет чем похвастаться перед остальными. Пока ватага носилась по улочкам, никто сразу и не заметил исчезновения Таракана, а когда пришла пора лезть через забор царского сада, все решили, что он трусил и сбежал.

Незаметно исчезнув от шумных приятелей Таракан, никем не замеченный, взобрался по каменным выступам на вершину забора и мышью юркнул в заросли винограда. Это место он облюбовал ещё давно. С вершины забора открывался хороший обзор сада, а его самого, распластавшегося на торце и укрытого листвой, разглядеть было почти невозможно.

Когда до времени обычной прогулки оставалось ещё больше часа, сторож совершил очередной обход. Таракан внимательно осмотрелся и прислушался, бесшумно сполз с забора внутрь сада и стремглав бросился к беседке, мгновенно юркнул в траву между столбиков и оказался в защитном мраке под беседкой. Чуть дыша, он долго прислушивался, лёжа на спине. Затем перевернулся на живот и попытался осмотреться вокруг. Но обзор из-под беседки закрывала невысокая, но густая трава. Лежать на животе было неудобно, мешали два медальона и кристалл в мешочке. Он снова лёг на спину и весь превратился вслух, стараясь успокоиться и привести себя в нужное состояние сосредоточения.

Когда в отдалении послышался шорох шагов, маленький шпион хладнокровно достал из мешочка фиолетовый кристалл и легко вонзил в него с двух сторон золотые медальоны. Положил амулет в мешочек, сунул мешочек за пазуху и замер, словно окаменел.

По голосам было понятно, что кормилица пришла не одна: с нею пришла мать девочки, а следом за ними появился сам царь Всеволод. Где-то в отдалении топтались два телохранителя царя. Пока Светозару кормили, царь беседовал о разных пустяках с невесткой. А потом он отослал их домой, пожелав гулять с внучкой сам. Женщины привычно удалились, а дед немного поигрался с любимой внучкой в беседке, а потом, взяв девочку и её драгоценную куклу на руки, отправился неспешным шагом по тропинке вглубь сада. Телохранители последовали за царём в некотором отдалении.

Меж тем, в своей комнате, на постоялом дворе, жрецы, молча, наблюдали за всей прогулкой царской семьи. Они не заметили никакого беспокойства царственных особ, кормилицы или телохранителей, а значит, их маленький шпион успешно проник в нужное место и надёжно затаился. А может быть, его там и вовсе не было.

А мальчишка лежал под беседкой, не шевелясь и едва дыша. Как только девочку внесли в беседку, амулет на груди Таракана завибрировал мелкой дрожью, а как только кормилица опустилась с ребёнком на скамью, из неплотно завязанного мешочка вырвался тонкий лучик света. Мальчик увидел его, осторожно заглянув себе за пазуху. Он, конечно, ожидал этого свечения и не боялся, что его увидят снаружи, но не смог сдержать своих эмоций. Так поразил его этот лучик света. Сердце радостно забилося, и Таракану даже показалось, что его громкие удары могут быть услышаны окружающими людьми.

– Это волшебство произошло! – в восторге подумал он. – Значит, я выполнил это серьёзное задание. Значит, мои хозяева не ошиблись во мне!

Но тут же его как будто окатило холодной водой. Он поймал себя на мысли, что слишком обрадовался своему успеху, а задание ещё не выполнено. Рано радоваться. Нужно ещё незаметно улизнуть из сада и вернуться утром на постоялый двор с невредимым амулетом. "Провалить задание в самом конце – непростительная глупость", – вспомнил он слова жреца Даруга. Он взял себя в руки и постарался успокоиться, что оказалось не так-то легко. А лежать неподвижно становилось всё трудней. Грудь нестерпимо зудела от вибрации амулета, хотелось

почесаться, да к тому же стало припекать от горячего свечения кристалла. Но он дал себе слово вытерпеть всё, чего бы ему это не стоило.

Когда амулет перестал вибрировать, а кристалл погас, Таракан почувствовал, что близка развязка. Некоторое время он ещё лежал, не шевелясь. Потом осторожно пошевелился, разминая затёкшее тело, и с огромным удовольствием почесал грудь под одеждой. Со всей возможной осторожностью он выглянул из-под беседки, огляделся и прислушался. Сумерки ещё только начинали спускаться на сад, но темнеет здесь быстро, скоро выпустят сторожевых псов. Нужно убираться отсюда. Бесшумно, словно призрачная тень, Таракан метнулся к зарослям винограда. Как ящерица, мгновенно вскарабкался на забор и замер там, осматриваясь. Где-то за углом усадебного забора послышались тяжёлые шаги ночной стражи. Они начинали своё патрулирование перед заходом Солнца и закрытием ворот. Теперь торопиться не стоит. Если они повернут в этот проулок, то обязательно увидят его, соскочившего с забора. Убежать от них он, конечно же, сможет, но зачем ненужный шум, совершенно незачем привлекать к себе внимание. И действительно, шестёрка патрульных в латах и с алебардами, свернула в его сторону. Он вжался в ещё тёплый камень, и замер, слившись в сумерках со стеной. Совсем рядом с его лицом проплыли шесть блестящих лезвий алебард, и топот сапог стал удаляться. Выбраться сейчас из Кремля незамеченным невозможно, а завтра поутру можно будет затеряться в толпе слуг и повозок, спешащих на городские рынки закупать необходимые товары и продукты для своих господ. Придётся провести ночь на голых камнях под стеной в нише, заросшей густыми колючками, которую он облюбовал заранее и в которой несколько раз прятался от сторожей. Ниша эта, по-видимому, образовалась в результате обвала старой кладки стены. Когда-то на этот дефект не обратили внимания, а теперь никто о нём и не помнил. Заросли колючек скрывали провал и снаружи он был абсолютно незаметен.

Ночи ещё довольно тёплые, а к лишениям ему не привыкать. Главное, что большая часть задания выполнена, осталось только терпеливо дожидаться утра. Но заснуть спокойно никак не удавалось. Сказывалось напряжение прошедшего дня, переживания за порученное дело. Чуткий, призрачный как обморок сон то и дело прерывался даже самым незначительным шорохом. Да и спать на голых камнях не велико удовольствие. Несколько раз он просыпался от близких шагов стражников, вскакивал и больно ударялся о низкий свод ниши. И не сразу сообразил, что удар ощущается иначе чем о каменную кладку. Ударившись несколько раз, он понял, что над ним не камень, а металл. Раньше он не замечал этого во мраке тайного убежища, да и ни к чему ему было разглядывать свод ниши – спрятался и хорошо. Сон всё равно не шёл, и он принялся руками ощупывать металл. Скоро выяснилось, что это не просто стальная пластина, а крышка ржавого люка, петли которого тоже основательно заржавели. Весь люк без единой щели был вмонтирован в каменную кладку крепостной стены. Никакой задвижки или скобы обнаружить не удалось. Наверняка люк запирается с той стороны. Значит там, наверху какое-то помещение, а снизу в него вел ход. Поразмыслив немного, Таракан догадался, что ход, ведущий в верхнее помещение, должен подниматься снизу. Он сейчас сидит как раз на месте существовавшего ранее хода. Обвал стены засыпал его, а если до сих пор никто не вспомнил о нём, значит это очень древний и забытый потайной ход из подземелья внутрь стены. Что скрывал этот древний тайный ход? Откуда и куда вёл? Любопытство прогнало остатки дрёмы, и он решил, что должен раскрыть эту тайну. До утра ещё было много времени, и его можно было использовать с пользой. А вдруг эта находка сослужит в дальнейшем полезную службу?

Стараясь не шуметь, он стал осторожно разгребать под собой землю и мелкие осколки камня. Голыми руками работать было тяжело и больно, к тому же приходилось соблюдать осторожность. Поэтому работа продвигалась очень медленно. И хоть любопытство подстёгивало его, он старался не спешить, дабы не выдать себя. За мелкими осколками пошли крупные камни, выковыривать их без инструмента стало ещё трудней, и до рассвета он вынул всего пять некрупных валунов, хотя куча мелких камней и земли выросла заметно. Уставший, но

довольный своим открытием, он решил передохнуть перед тем, как покинуть своё убежище, в которое намеревался вскоре вернуться с подходящим инструментом и помощниками. Хозяевам он решил об этом засыпанном ходе пока не рассказывать. А вдруг это ничего не даст?

Вернувшись на постоянный двор, Таракан рассказал жрецам в мельчайших подробностях о своих похождениях.

– Ты с достоинством выдержал это испытание. Мы довольны тобой, – всё так же серьёзно сказал Даруг, но подобие улыбки пробежало по его губам.

– Завтрак на столе, умойся и можешь отоспаться, на сегодня у тебя нет больше заданий, – более приветливо добавил Масар, в глазах которого читалась нескрываемая радость.

– Господа мои, позвольте мне попросить вас, – робко произнёс Таракан, позволив себе неслыханную дерзость.

– Проси. Возможно, сегодня мы удовлетворим твою просьбу, – ответил Масар.

– Не могли бы вы купить мне такой фрукт, какой растёт в царском саду. Он покрыт драконьей чешуёй из тёмной бронзы с шипами, но имеет райский вкус. Говорят, что такой фрукт стоит дорого и его редко продают на рынке. В этом городе его едят только богатые люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.